

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (23), 2014 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Ирина Зиновчик

Родилась, живу и работаю в Риге. Стихи пишу два с половиной года. Член творческого объединения «Светоч» (Рига). Лауреат второй премии творческого интернет-конкурса «Под небом Балтики -2012» и лауреат второй премии конкурса «Под небом Балтики – 2013». Включена в шорт-лист конкурса «Литературная Вена – 2013».

Гроза

Ложились лица чистой акварелью
на серую холстину бытия;
слова стекались ложной параллелью
к меридианам сферы забытья.
Стремилось бесконечное начало
упасть до бесконечного нуля;
сознание, что ранее молчало,
струилось речью, вечное суля.
Пространство рвал на части юный ветер,
по атомам пытаясь растащить,
и плакали испуганные дети,
когда из рук их вырывалась нить
воздушных змеев, шариков и прочих
стандартных атрибутов ясных дней.
Земля летела прочь, что было мочи,
под небом ожидаемых дождей;
и было ясно, что вот-вот родится
природных сил безумное дитя..

Стекали акварелью с улиц лица,
и дождь стекал с тех улиц миг спустя.

Сценарий грустной пьесы

Переходя из тронного зала
в мертвецкую,
королева замечает отсутствие тех,
кто приветствует
и, обнаружив прискорбный сей факт,
замирает в вопросе -
были все-таки подданные,
или не бывало их вовсе?!

Подростеряв по течению пьесы навыки,
королева понимает, что нелепый
шиш выдан на руки;
а королевство и прочая мишура
были обманом.
Дальше все покрывается плесенью
и серым туманом..

Изобразив на лице мутный страх
за будущее,
царственная дама плачет;
она не стремится ко дну еще
и кому-то пригодится тело
ее королевское.
(Незачем было идти из тронного
зала в мертвецкую!)

Поднатужившись, вспоминает,
где подданные -
невзначай кому-то отданы,
преданы и просто проданы;
и теперь ей не на кого
в тяжелом пути опереться.

Это просто пустырь - без
подданных, вовсе не королевство.

Подпоясавшись, в путь,
как с обрыва, бросается.
По дорогам пойдет, всем будет
кланяться, плакать да каяться;
не богатой, не бедной - бездомной,
безрадостной нищенкой.
Новых подданных будет себе искать.
Только сыщет ли ?
Ведь ни королева теперь, и уж
совсем ни принцесса ...
Грустная пьеса.

Автобиография

На лице у старухи в улыбке
сводит морщины —
у неё, как у всех,
за морщинами повесть разлуки.
Но старуха не принята
местной дворовой общиной,
потому что бездетна -
у бабушек выросли внуки.

На скамейке в субботу цветные
платья и шляпы,
а под шляпами - неподражаемы
губы и фразы;
и подстриженный пудель глядит
на людей виновато,
сознавая печальное сходство
с ершом унитаза.

Рассказала бы им свою жизнь,
да гибельна жалость..
Обожают её посторонние звери и дети,
ведь своих на сегодня...
совсем ничего не осталось -
всё осталось в начале столетия,
там.. в первой трети.

И глядят нерождённые внуки
чёрным портретом;
там фамилия, как у неё,
и девчоночье имя...
(Не) понять, (не) простить,
(не) казнить и (не) думать об этом -
эту (не) - быть с изношенных
плеч даже время не снимет.

Да и толку страдать,
если лучше уже не станет?
Выйдет в новых штанах
молодежного кроя и цвета,
на минутку присядет к наряженной
в кружево даме,
расстреляет вопросом,
который не стоит ответа:

«Не знавала ли, Маша,
ты Хулио Кортаса ?»
И соседка погрузится
в бездну секунд на пятнадцать —
этих, первых, была.. как бы так..
ну.., как минимум, пара,
а вот с Сарой на корте
ей вряд ли случилось сражаться..

Вот обиделась бы эта Маша,
да будет толк ли?
«Малохолная, мало ль таких
малохолных на свете?
Наша жизнь не витраж;
так, его голубые осколки!»
И прощает шутницу, как в первый..
второй..; так и в третий..

* * *

Я потом дорисую возможные
толки и слухи,
но уже не смогу изменить
обречённости плана;
мне теперь не сбежать от безумств
этой странной старухи -
просто я, как и все,
обязательно старой стану.
*Как Пикассо по факту рождения и
Пикассо по месту проживания,
так и Кортасар по факту рождения
и Кортасар по месту произнесения)

После дождя

Под крыши заползала тишина,
цепляясь за распахнутые окна -
такую ощутимостью полна,
что слышно было в ней,
как быстро сохнут
следы недавно ехавших машин
на линиях почти уснувших улиц.
Сплетаясь хороводом небольшим,
примолкшие деревья вверх тянулись,
стволы еще немного нарастив.
И странными сейчас казались тени,
луне полночной прямо в объектив
попавшие средь разной дребедени;
неясный звук роился и взлетал..

Лишая тишину триумфа мима,
шел человек и пел на весь квартал..
Двухзвучие любви над миром плыло.

Уходящая натура Рижского взморья»

Покрытый вечной
изошренностью плюща
и проседающий под тяжестью былого,
совсем состарился, внезапно отошал -
наш летневременный приют,
теперь прощай..
Какое странное, неправильное слово..

В останках дома чья-то добрая рука
рисует видимость обыденных деталей:
еще хранят тепло каминов бока,
и дым от шишек снова рвется в облака,
и дюнный берег - лучше всяких
там италий;

прибрежный воздух полон
сырости морской,
и вяло-сохнувшие полотенца где-то
за нескончаемой дворовой листвой
вновь наполняются и влагой, и тоской
по уходящему уже в июле лету...

Рассаду мха рассыпав щедро
по крыльцу,
холодный ветер вырывается на волю;
морщин добавивший и дому, и лицу,
надрывно шепчет,
что давно идет к концу
все, что считалось просто
данностью живою.

Сосна-соседка спрячет старые глаза,
прикрыв их искренность покровом
светлой грусти.
Но вдруг покатится янтарная слеза,
и, нить последнюю со вздохом развязав,
сосна уставший дом в небытие отпустит.

Рождение сверхновой

Эта женщина в агонии,
эта женщина в огне;
небеса ее картонные
разрываются на две
неопознанных ненужности.
И бесценные слова,
соскользнув с ее окружности,
распадаются на два
обособленных понятия:
недосаженность ростков
и бесцельность недоснатия
недовызревших плодов.
Вся безумность этой стадии
преждевременной судьбы -
лишь преддверие апатии
к многоликости молвы,
к полужначности мнения
обозначенных людей
и к предчувствию падения.
Мир, по прежнему ничей,
весь исходит закатами..
Но из данности пустой
возникает незапятнанный
образ женщины иной.

Оптимистическое

И мне хотелось стать упрямой,
красивой, вздорной и прямой;
быть не комедией, не драмой,
а лишь собой -

такой безудержной и смелой.
Как тридцать три богатыря,
выныривать из белой пены,
но без царя

и в голове, и так, по жизни.
Зачем мне лишнее ярмо?
Хотелось раствориться в ближнем,
любить его
и отражение чего-то,
невыразимого в словах.

На клавишах бемольных ноты
сказали “ах”

и оказалось, что напрасным
был разносимый мною вздор.
Мажор, рожденный ярко-красным,
ушел в минор,

отметив серым диссонансом
разрыв души и естества.
В палитре не хватило красок;
чужим - родства.

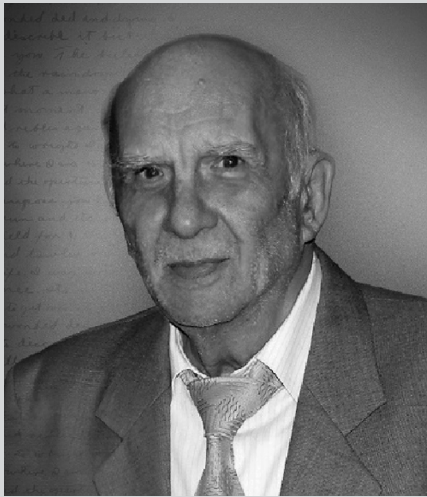
Душа в сиротстве разномастном
пыталась отыскать того,
кто мне мерещился так часто..

И, все равно,
я с мягкой падала постели
на подзаборную траву..

Но если раньше не отпели,
то и теперь я не умру.

Гости номера

Интервью с Игорем Белкиным

Игорь Белкин родился в Башкирии в 1938-ом году. С 1983-го года живёт и работает в Эстонии. Инженер-механик. Работал везде и всюду. Закончив лесотехнический техникум, работал на лесоповале и сплаве леса. Печатался в республиканских газетах, журнале «Юность». С 1979-го по 2003-ий год стихов не писал. В настоящее время регулярно печатается в зарубежных русскоязычных альманахах. Входит в состав нескольких литературных объединений. Является популярным автором литературного портала www.stihi.ru. В конкурсе «Народный поэт», организованном на этом сайте, в 2013-ом году занял 2-ое место. За последние годы было опубликовано три поэтических сборника: «Состояние души», 2008, «Мир, в котором мы живём», 2011 и «Пишу письмом длиной в жизнь», 2013. В конце 2013-го года был награждён премией им. Набокова.

М.В.: Игорь Константинович! Для начала хочу Вас поздравить с двумя событиями в Вашей поэтической биографии - со вторым местом в конкурсе «Народный Поэт» на сайте www.stihi.ru и с присуждением Вам премии им. Набокова. Расскажите немного об этом. Что для Вас значат эти награды? Ездили ли Вы на церемонию «Поэт года - 2013» в Москву? А ещё мне всегда казалось, что набоковскую премию присуждает Союз Писателей Санкт-Петербурга. Почему награждение состоялось в Финляндии?

И.Б.: Спасибо большое Вам за поздравление, и отдельная благодарность - за поздравления в Русском культурном центре с чтением моих стихов присутствующими авторами, с цветами и пожеланиями. Был тронут, большое спасибо организаторам этого мероприятия.

Любая премия - это прежде всего признание, и, следовательно, расширение круга любителей русской поэзии. Я не был на церемонии вручения награды «Народный поэт», но там был мой представитель - Анощенко Н.Н. - любитель моего творчества.

О премии Владимира Сирина (Набокова). Набоков вошел в литературный мир с именем Владимир Сирин и до 1940 года писал под этим псевдонимом. Набоков испытал судьбу писателя-эмигранта, и, как говорила писательница-эмигрантка Нина Берберова, в эмиграции среди русских поэтов и прозаиков он состоялся ярче и сильнее. Премия имени Владимира Сирина (Набокова) учреждена литературным альманахом мировой литературной диаспоры «Под небом единым», выпускаемого Международной Творческой Ассоциацией «Тайвас» - «Небо» (Финляндия, Хельсинки), Всемирным клубом петербуржцев (Санкт-Петербург, Россия), Союзом Писателей Санкт-Петербурга, при поддержке университета г.Альмерия (Испания), старейшей русскоязычной газетой Австралии «Единение», Афинским университетом (Греция), Французским Набоковским обществом (Франция). Поэтому первая премия и вручалась в Хельсинки. Альманах «Под небом единым», с его уникальным и многогранным опытом, издается уже 6 лет и охватывает пишущих на русском авторов из 80 стран мира. Я печатаюсь в Альманахе с первого номера. В Хельсинки проще попасть, поэтому премию я получал сам. На церемонии в Хельсинки присутствовали организаторы этого мероприятия: создательница и главный редактор журнала «Под небом единым» Елена Лапина-Балк и питерская группа: научный сотрудник Музея Набокова Данила Сергеев, прозаики Георгий Попов и Сергей Арно и сотрудник Литературной газеты Лариса Васильева.

Ну, а ещё благодаря этим премиям в 2014 году выйдут 2 книги с моими стихами в Питере и в Москве.

М.В.: Я давно наблюдаю за Вашим творчеством, люблю Вашу по-

эзию. Знаю, что Вы пишете стихи с юности. А как это пришло, помните? С чего всё началось?

И.Б.: Стихи пишу со школьных лет, а началось, наверное, с первой влюбленности. По-моему, у большинства это большой движок.

М.В.: Были ли у Вас кумиры среди поэтов, писателей? На каких книгах Вы выросли? Что предпочитаете читать сегодня?

И.Б.: Я родился и жил в маленьком поселке. Представляете какая может быть там библиотека! К 8-ми годам я перечитал все книги подряд, включая энциклопедию по судостроению, справочники машиностроения и т.д. Ну, а когда переехали в город, там уже я читал только классику. Как русскую, так и зарубежную. Кумиры есть у каждого. Я любил Пушкина, Есенина, Беранже, Джека Лондона, Фейхтвангера. Сегодня читаю более легкую литературу - фантастику, детективы.

М.В.: Игорь Константинович, а чем был вызван столь длительный перерыв в творчестве?

И.Б.: Работал. Было столько работы, что я пять лет не был даже в отпуске, какие там стихи! А потом в 1983 году - переезд в Таллин, опять новая работа, напряжение. Так постепенно и забылось всё, пока внуку не начал присылать всякие весёлые истории и пришлось вспомнить стихосложение.

М.В.: Вы пишете в разных жанрах, но довольно часто я читаю у Вас именно любовную лирику. Откуда черпаете неиссякаемое вдохновение?

И.Б.: Все зависит от настроения. И здесь совсем не обязательно иметь кумира. Любовь к людям, природе, воспоминания рисуют образ и пишется само собой.

М.В.: Как семья относится к Вашему занятию поэзией? Гордится ли Вашими успехами? Знаком ли внук с Вашим творчеством?

И.Б.: Да, семья поддерживает меня во всем. Это они уговорили меня публиковаться на сайте стихи.ру и теперь следят за моим творчеством. Внук, естественно, тоже. У него собрана полная коллекция моих книг и публикаций. Гордится ли семья, я не знаю, но соперничают все - точно.

М.В.: Ваши стихи уже дважды публиковались на страницах изданий Международного литературно-публицистического проекта «Интеллигент». Какое значение это имело для Вас? Нравятся ли Вам наши издания? Как думаете, нужен ли русскоязычным авторам, живущим в Эстонии, такой проект?

И.Б.: Естественно, нравится и, естественно, нужен. Именно благодаря изданию «Интеллигент» меня узнали здесь, в Эстонии. И ведь есть же еще авторы, пишущие на русском языке и достойные печататься в международных изданиях, чтобы о них знали повсюду.

Марина ВИКТОРОВА

* * *

Пересеклись пути, пересеклись,
но дело в том, что улетающий ввысь
столкнулся с тем, кто безнадежно падал,
познав на деле эфемерность радуг.

Переплелись в эфире голоса:
ну, как там в небе, есть ли чудеса? —
Возможно, есть, —
сказал к Земле летящий, —
я распознать не смог их в настоящем.

Ввысь улетающий не дослушал слов,
он видел много гибнущих орлов,
и что ему до падающей птицы,
позволившей пространству не раскрыться?

* * *

Мне все помогают, а я не скрываю:
помочь никому не могу,
поскольку-постольку сухая трава я
на скошенном летнем лугу.

Бумага шуршит, и неровные строфы
по рёбрам текущего дня
готовы со мною вползти на Голгофу,
но где же она для меня?

И нужно ли?
Да — не единожды, дважды
отдай сотворенья свои,
причём — целиком безо всякой
продажи —
влачащему крест за двоих!

* * *

Что-то грустно, что-то тесно,
и не может из груди
сердце выплеснуться песней,
видно, морок беречь
продолжает песнопевца,
не желая отпускать:
никуда тебе не деться,
здесь, сказитель, твой закат!

Не поверю ни минутой,
ни осенним светлым днём:
морок, ты же не Малюта,
не сразишь меня мечом!
К дыбе времени привязан,
без тебя погасну я,
не складирюя в лабазе
золотинки бытия!

Свистнет ветер, каркнет ворон
над крестом моей судьбы:
ты, братишка, жил не вором
и без глупой похвальбы,
и без лишних эпитафий
на гранитности плиты
можешь сам себе потрафить:
был Отчизне верен ты!

Верен, верен!
Так звучало,
так и есть, и будет так,
на возврат меня в начала
не способен даже маг,
потому неслышно воет
отслужившая душа,
воспевавшая ЖИВОЕ,
словом искренним шурша!

* * *

Опять словами броскими
пронять себя хочу:
за русские берёзки я
поставил бы свечу,
да жаль, что мимо паперти
хожу я, не греша —
в душе все боги заперты,
не верит в них душа.

Нельзя сказать: бесчувственный
как айсберг, как торос,
нет, я, пожалуй, буйственный,
но кто ты мне, Христос?
Религия религией,
а Родина одна,
и к ней прилип я Игорем,
испив судьбу до дна.

Весенняя распутица,
кленовый листопад,
и если кто оступится,
другой не виноват,
упавший что-то требует,
а небеса молчат,
такие в жизни ребусы,
таков любви расклад,
берёзоньки берёзками,
сердца не изо льда,
нежданнами полосками

расчерчены года;
в любую пору мгlistую,
не веруя на треть,
по-русски можно выстоять,
по-русски умереть...

* * *

Любовь, любовь, мир не настолько груб,
чтоб всех калечить, начиная с юных,
доверься не ведущему игру
с лакированным собственным парсуны!
Кто о себе вопит на всех углах,
тот недостойн взгляда и вниманья —
не вырастают почки на стволах,
гниющих в неге самолюбования!

Приходит опыт с возрастом, увы,
а молодость ошибками богата,
дни шелестят подобием листьев,
засушивая пройденные даты...
Поплачь, любовь, и не кляни себя,
ты не виновна ни на медный грошик,
но впредь остерегайся лжеопят,
кричащих о себе: я — гриб хороший!

* * *

Приходите, я не против —
жить, оберегая Вас
от небес, несущих копать
на ресницы милых глаз,
от причуд земной стихии,
от настойчивых людей,
ради выгоды минутной
целящихся в лебедей!

Приходите!..
Чёткий профиль, затуманенная даль...
Сбросило моё столетье с лика
женщины вуаль,
век серебряных поэтов — Блок,
Бальмонт и Гумилёв —
канул в Лету, я остался
с недобором рифм и слов.

Я остался!..
Время вяжет торопливые узлы,
очень трудно удержаться
на конце его иглы;
Вы поможете, я знаю,
сбережёте Вы в руках
слабую мужскую душу,
утоновшую в стихах.

Слабую! — и безусловно, а иначе почему
мужики в себя стреляют,
режут вены — и во тьму
опускаются безвольно,
не сумею перенести
вспышки ревности глухие
в середине их пути,
зависть пишущих собратьев...
Господи, ты их прости!

Приходите, я открытый,
я незамкнутый ничуть,
рядом с Вами будет проще
в поэтическую суть
вжиться, управляя Словом
в новой жизни, а не в той,
где серебряность поэтов
не сменилась золотой!

* * *

Есть враги у человека,
нет врагов у человека,
всё равно в ладонях века
остаётся он навеки.
Человек! — предназначенье —
влииться в общее движение,
род людской вести к прогрессу
в обоюдных интересах.
Человек! — он тем и славен,
что всемогущ и державен,
не пылинка, не песчинка,
не для пирога начинка.

Так бы нужно говорить мне,
совпадая с общим ритмом,
да чего-то душу давит
слово жёсткое «державен».
Потому что мы — прослойки
в полнотелой массе слойки
или в тёплом круассане
для любой зубастой дряни.
Нас грызут, а мы хохочем:
больновато, но не очень,
ведь грызущему, похоже,
насладиться нужно тоже.
Он не враг, но плотояден,
он не враг, но слишком жаден,
и гудит как контрабас,
перекусывая нас...

«О сколько нам открытий чудных...»

Студия «Литературная среда» при факультете дополнительных профессий Томского государственного педагогического университета возникла в октябре 2005 года. Началось это новое для меня дело с приятных сюрпризов, со «звездного» курса филфака ТГПУ, студентка которого Инга Аверина к настоящему моменту вышла на уровень Всероссийского совещания молодых писателей, готовит сборник собственной прозы. У Ирины Рубан, дебютировавшей с песнями на свои стихи на XVIII областном конкурсе молодых поэтов им.М.Орлова, не иссякает поток слушателей и ценителей группы «Живой зодиак». Ирина Банщикова (Екатерина Семицвет, Ирина Надеждина), начинавшая с сочинения текстов песен, пробует себя и в других жанрах.

Помимо студенческой газеты ТГПУ «Штудент тайм» студийцы публиковались в разных и не только томских изданиях, выступали в библиотеках, на выставках, других городских площадках, создавали свои проекты, участвовали в поэтических конкурсах. Вышла дебютная книга Алексея Куцевича. Готов к печати сборник стихов Юлии Лободы. Тимофей Занин со своими произведениями регулярно участвует в спектаклях «МХАТа на Уржатке», дебютировал в томском журнале «Сибирские Афины». Новички также талантливы: Соня Солдатенко - дважды лауреат ежегодного Межрегиональ-

ного фестиваля-конкурса детского и юношеского литературного творчества «Устами детей говорит мир!». Виктор Тарасенко также является победителем различных конкурсов литературного творчества. Например, «Эко-рифмы» Томской Областной Научной Пушкинской библиотеки (2013 г.), с рассказами - «Твоя первая книга» (2013 г.) и «Твоя первая книга-1» (2014 г.).

За восемь лет студийцы встретились с немалым количеством томских и иногородних авторов. Это общение, расширяющее горизонты, приносит свои плоды. Каждая такая встреча – это мастер-класс, позволяющий взглянуть на свое творчество со стороны.

Студенческое литобъединение, круг людей, равнодушных к слову – величина непостоянная: меняются люди, лица, жанры. В последнее время наблюдается тяготение к прозе - юноши смело берутся за исторические романы и фэнтези; девушки описывают школьные влюбленности. Многие сочиняют песни: рок, фолк, рэп. Единственное, что удручает меня, как руководителя, это безграмотность авторов, перед которой пасуют порой даже компьютерные редакторы. Но каждое, пусть и корявое слово – живое, искреннее. Поэтому хочется поддержать молодых сочинителей, ободрить, вдохновить на новые свершения. Перед вами подборка произведений студийцев разных лет. Приятного чтения!

Руководитель студии «Литературная среда» - Елена Клименко, поэт, член Союза писателей России

Елена Клименко

Родилась в Томской области. Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических книг: «Неуместные письма» (2000 г.) и «В подстрочнике мая» (2003г.), «Время вить гнездо» (2009 г.). Публиковалась в российских и зарубежных изданиях.

***

Не мучайся, не изучай
Былье зловещее –
В твоём доме сидит, пьёт чай
Чужая женщина.
Мешает в чашечке слова –
Не ворожит.
Она сейчас уйдёт – права,
Дом задрожит.
Дверь хлопнет –
Впустит ветер и хлад.
Заплачут в доме зеркала
И отрезвят.
Лишь голос бросится –
В снегу или в пыли –
За ней,
Летающей в полуметре от земли.

***

Эта свежесть – точно жость,
На которой дождь гнездится.
Неизбежность долга – есть
Дом в дожде. Он будет сниться.
Здесь под крышу жмётся ночь.
Тополь просит подаянья.
И зовут тихонько дочь
В кухню, к завтраку, к прощанью.
Сушатся грибы и листья,
Рыжий порошок штор и стен.
И гошу с оглядкой лисей,
Завернувшись в рыжий плен.
Здесь жестокая среда,
Даже если и суббота –
Нелюбим остался кто-то
Ни за что и навсегда.
Но вдали правдива весть,
Что родные только здесь.

***

Все обрастает солью:
Суставы, посуда, сон,
Странное имя Сольвейг,
Шершавые цепи часов.
Словно врастаешь в суть
Краской одной рисую:
Яблоко немоты,
Сосны, окно, цветы.
Словно идёшь с сумою
И повторяешься всеу.

Ирина Айзенберг

Черно-белое синее небо.
И асфальт по-осеннему пьяный.
Что осталось от трав – лишь память,
Вместо запахов свежей росы.
Незаметною ловкой рукою
Ветер гладит мне плечи и спину,
Он запутал мне волосы напрочь,
И он так похож на тебя...
В междумирии сорванных листьев
Так тоскливо, свежо и пряно,
Что нет сил собой оставаться –
Надо бросить все и уйти.
Одиночество бьёт навывлет
Словно горькие капли холод
Заставляет корчить гримасы
И искать спасенья во сне.

Оксана Юферова

Пробуждение

Осени солнце взошло –
Время ушло - так внезапно!
Клином летят журавли,
Провожая забытое счастье.

То, где купался рассвет
В заревых огнях смирен,
То, где я помню привет
Скромной и доброй царевны.

Сердце уже не поёт,
Но не нарушит молчания
Стайка смешных воробьёв,
Делящих крошки признания.

Нет! Я не буду молчать.
Только молю тебя: «Вспомни
Свет, озаренной свечою стены,
Где словно волк заключенный,
Ходит по кругу влюбленный».

Тимофей Занин

Жизни иллюзии
Порой казались жизни ярче
сознание не сузили
Но я не стал богаче,
А где ты видел, чтобы поэту
Да были почести,
Так что поэтому
Пой, человек, ты в одиночестве...
А у меня полная миска,
Есть хлеб да и в шкафу оружие.
Твои стихи не для всех,
И никому ненужные.
Так что поэтому, пой, человек.
Ты пой один!
Но знай в сознании других
Тоже твой мотив...

И он тоже...
Чеховский герой.
И он может...
Поговорить с тобой.
Пусть и не открывал классика труды.
Но точно знает:

Чувству не остыть
Покуда пламя догорает.
А он подкинул бы дров
Да в это адское пламя
Из монолита слов
И бездны сознания без края...
Покуда не знает,
Не выйдет огня.
Лишь пепла груды,
Да речь для тебя:

Мой чеховский герой,
Что сидишь напротив за стопкой?!
Дождь последнее пролил
Над остановкой трамвайной,
Последний погас фонарь.
Эта бездна без края...
Бесконечности край.

Ирина Рубан

Глинтвейн зимой,
рецепт простой:
немного корицы,
трепет синицы,
сушеной малины,
и теплых носков,
чуть-чуть терпенья,
для четкости пения,
каплю настойки
степных васильков,
кельтской волюнки,
перуанской травинки,
православной мольбинки,
меда былинку -
будешь кровинка моя, здоров.

***

Так трудно быть твоей женой:
следить за весом, за словами,
не плакать ночами,
долго в ванной не мыться,
научиться молиться Христу
и прочим птицам,
оборонять бойницы
и прочие боевые позиции
и быть твоей трудной женой...

Иван Царегородцев

Брат ты мой физик...
Но я филологом
буду

***

Кубки златые
Выигрыш чей-то
Проигрыш

***

Лампа разбита.
Джинна ищи
в небе

***

Тьма за окошком.
Свет её гасит
Утро

Любовь Горобец

Долгими нитями
Осенних аллей
Сегодня бродить не устану

***

Сижу у окна
Долго, задумчиво
Что же меня держит

***

Где-то там место
Где выросла.
Тянет оно к себе

Роман Колпаков

идешь не спеша
по морозу
ботинки теплы

***

снегири не верят
что яблоки
не зимние цветы

***

разморозь клубники
притворимся, что на даче
чай пьем

Лейла Рустамова

Напишу. Засмеют, не признают,
Раскритикуют, оскорбят.
Я с трудом уже понимаю –
Чего от меня хотят?
Эти слова из души,
А в душе моей нет ошибок.
Ну, давай, теперь ты скажи,
Умный, я вижу, шибко.
Кто задает эти «рамочки»
Узкие? Мне в них тесно.
Милая моя мамочка,
Они же ведь неестественны!
Я этого не хочу!
Я боюсь этих слов ужасно.
С ними всегда молчу,
Речь ведь должна быть прекрасна.
Отточена, отделана, как у всех.
КАК ВСЕ Я, МАМА, НЕ БУДУ!
Пусть неправильная, но ведь не грех,
Что одна я... Они повсюду.

Мария Лебедева

Под ритмы вальса

- Раз, два, три,
Раз, два, три...
-... у меня не получается...
Давай помедленнее!
- Давай ещё раз!
- Раз, два, три,
Раз, два, три-
- Уже лучше!

Томск

И раз, два, три,
раз, два, три...
- Извини, я снова наступил
тебе на ногу!
- Ничего!
Ты не переживай!
Научишься,
Не всё сразу!
-Повторяй за мной!
Я ставлю левую ногу назад,
понимаешь?
- Вроде, да.
- Хорошо!
Как только я ставлю ногу
назад,
Ты ставишь правую ногу
вперед.
- Да, я поняла!
- Давай попробуем!
И раз, два, три, и ...
-... у меня никогда не
получится...
- Ну что ты психуешь-то?
-Давай, ещё раз!
Повторяй за мной.
- ладно...
- Потом, я ставлю ногу вот
так.
И ты также повторяй.
- Раз, два, три,
Раз, два, три —
Молодец!
Видишь, все получилось,
А ты волновалась!
- Что-то я устала, давай
передохнём...
- Я не против!
- А где мы будем с тобою вальс
танцевать?
- ...
- На свадьбе?...
- ...и на свадьбе тоже.

Мы оба сели на лавочку друг
напротив друга.
Вокруг было тихо и безлюдно.
Обнявшись, мы сидели молча,
взявшись за руки. И в этой
захватывающей тишине был слышен
стук наших сердец..., слившихся в
единое целое.
Я смотрела в его тёмно-карие глаза
с длинными густыми ресницами,
излучавшими безграничную теплоту,
не отрываясь.
Его теплая ладонь нежно коснулась
моей щеки.
Я дотронулась до неё... и положила
себе на плечо.
Я поцеловала его в горящие жаром
губы и произнесла:
- Давай, продолжим!

Екатерина Семицвет
(Ирина Надеждина)

Герои

Мы бились в агонии.
Мы брали мир на ладони.
Нас было немного
Таких героев.
С обветренным сердцем
И пульсом утроенным.
Мы ковали мечи,
Мы брали Ковчег с боем,
Нас было немного
Таких героев,
Ждущих потопа
Как спасительной доли.
Мы терпели увечья.
Мы брали охапки грехов
На плечи.
Нас было немного
Таких героев,
Идущих навстречу
Земле обетованной.

Кот Матрос

Пахнуло нежностью в окошко.
Листаю старый календарь:
Седьмое... Так... Ещё немножко
И заметет февраль.
На ваши теплые колени
Заскочит кот.
И заявлений, объявлений
Он не поймет.
Он ваши ласковые руки
Лизнет не раз
И огоньком сверкнёт глубоким
Зелёных глаз.
Он полосатыми словами
Смурлычет речь
И пожелание оставит
Его беречь.
Метельный месяц одинокий
И кот Матрос
Мне заглушили ненароком,
Что не сбылось.

Алексей Куцевич

Ты спишь. Далеко,
в невообразимом пространстве.
Среди окружившей тебя
больничной тиши.
Твой сон беспокоен. Когда ты
вернёшься из странствий,
Прошу — напиши.

Запутались в тучах за окнами
хмурые звёзды.
Суровое лето настало, и ясно:
уже не весна.
Шумят тополя и белеют
во мраке берёзы:
Им не до сна.

Мне не одиноко, ты знаешь,
здесь стены и уши.
Здесь вещи пытаются мне
обеспечить уют.
Пою, как могу, хоть и некому,
кажется, слушать.
О том ли пою?

Юлия Лобода

Край оплавленного неба
Освещал закатный город
Облизнул бутылку пива
Блик последнего луча...

Репетировались жесты,
В голове вертелась песня,
Сочеталось идеально,
Всё, что стоит замечать:

Тёмное стекло бутылки
И слепой фонарь вечерний,
И цветы, и цвет одежды...
И возможность помолчать.

* * *

Липа лапами выхлещет стёкла,
Листьями вылизжет дочиста.
Два отраженья щерятся мокро:
Я и моё одиночество...

Соня Солдатенко

*Под впечатлением от
творчества Блока*

Слякоть бледно-зелёная,
воздух
Залетает за шиворот влажный,
Ненавижу, когда влюблённые
На дороге играют в ладушки...

Небо виснет бесцветным пологом,
Провода звенят оголённые,
А под ними с оттенком золота
Луг раскинулся. Окрылённые

Понеслись по безликому городу,
Оживляя тропу омертвлённую,
И без шапок, без рукавиц
Им не холодно.

И гляжу на них, за водосточными
Прячась трубами безалаберно,
И глотает меня одиночество
серой пастью,
И в бездну падаю...

Виктор Тарасенко

День поэзии

Товарищ В, собираться пора,
ведь вам выступать на людях!
Пускай по Европе бродит весна,
опасайтесь кровавой наледи,
давным-давно наростшей вокруг
холодных сердец пролетариев;
снимите-ка лучше поэтский сюртук
воздержитесь от комментариев.

Наденьте шинель, возьмите наган,
держитесь поближе к солдатам.
допивайте быстрее последний стакан,
если нужно — ругайтесь матом.

Товарищ В, командуйте «Пли!»
стихов расстрельному строю!
Отсюда до самой Новой Земли
пройдетсЯ взрывной волною
эхо разрывов словесных гранат,
разлетятся осколками строчки!
Прогремит приказом «Ни шагу назад!»
каждый стих до последней точки.
Я думаю, вы не дождетесь награды,
но, поэзии искру лелея,
мы еще примем победный парад
с гранитных высот мавзолея.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ИЛИ ЗВЕЗДА СЧАСТЬЯ

*Ведь, если звезды зажигают –
Значит – это кому-нибудь нужно?*

В.В.Маяковский

Она была небольшая... Или даже маленькая. Но не хуже других она светила, блестела, искрилась, не меньше других хотела быть счастливой. Звезд на небе было очень много, им, кажется, не было счету. В бесконечности вселенной их были миллиарды и миллиарды. И так проходили тысячи лет... А звезды надменно летели в бескрайней пустоте, источая холодный надменный свет. И ничто не нарушало мерности. Впрочем, всегда находились звезды, что, отчаявшись и решившись, бросались к голубому шару Земли. Что сказать? Земля не самая большая планета, но это самый яркий, оживленный кусочек вселенной. Маленькая звезда знала, что это единственная населенная планета. И эта ее особенность привлекала и манила. Существовали многие поверья и легенды, одна из которых говорила о том, что люди, населяющие Землю, верят, что падающая звезда выполняет желание.

Звезда часто думала об этом предании. Как может чья-то гибель принести счастье? Разве можно пожертвовать своей жизнью для чьего-то счастья?

А впрочем, все шло своим ходом: горячее, доброе солнце улыбалось и согревало галактики, Земля совершала ежегодный ход по орбите с близкой подругой Луной; звезды по-прежнему холодно блестели. Так проходили годы, века и тысячи лет. Маленькая звезда неизмеримо томилась в бездействии и постоянно думала: зачем так долго и бессмысленно гореть и не согревать, лететь и никуда не прийти. Иногда она так задумывалась и горела неярко, что свет ее меркнул. Но она тотчас оглядывалась на другие звезды – не заметил ли кто ее оплошности, и смущенно вспыхивала.

Однажды, когда тоска, казалось, стала шире вселенной, звезда подумала: «А что если посмотреть на людей, узнать. Есть ли счастье в их жизни?» И она медленно, незаметно сдвинулась с места, потом, боясь, что ее остановят, стремительно помчалась. Приближался голубой шар Земли, вскоре стали видны леса, долины и горы. Позже маленькая звезда могла различать дома, людей, их лица, радостные и грустные.

Одинокий и полуразрушенный домик скрипел, как старик. Несмотря на малость и пугающую древность, он давал приют большому семейству, которое перед сном дружно молилось.

Хор тонких голосов возносился к небу, и маленькая звезда услышала просьбу о том, чтобы устройство папы на работу увенчалось успехом, и тяжелая жизнь хоть немного наладилась. Звезда огорчилась и искренне захотела помочь бедным людям.

Она оглянулась на огромный дворец, но не увидела счастья и там. Над колыбелью младенца рыдала мать – бледный ребенок почти не дышал. Казалось, лишь горячие, частые поцелуи матери дадут ему тепло и силы для жизни. Если бы у звезд было сердце, оно бы разорвалось. Маленькая звезда вспомнила о поверье и бесконечно пожелала, чтобы оно было правдой. Она была готова отдать свою жизнь младенцу, но, понимая свое бессилие, помчалась прочь. Она летела и летела, повсюду видя беды. Звезда отчаялась, почти потеряла рассудок: на холодном небе не было счастья, но не было и горя. Она сама уже верила в то, что выполнит любое желание перед падением. Она летела, спускалась ниже, падала и ждала взгляда, желания. Но глаза отчаявшихся людей были застелены слезами, опущены. Сама маленькая звезда, отчаявшаяся и готовая разлететься на кусочки, бешено неслась вниз.

И вдруг за несколько секунд до падения она увидела пару медленно идущих людей, на лицах которых играла улыбка и томился румянец. Вне сомнения, они были влюблены и счастливы. Ее глаза блестели ярче звезд, он был спокоен и внимал каждому её слову. Внезапный взгляд: «Звезда падает, - воскликнула она, – загадаем желание». «Нет, - шепнула звезда. «Нет, - зазвенела, - нет! Зачем? Вы же счастливы! Пусть те, кто нуждается» Это несправедливо! Пусть те, кому иначе нельзя!»

«Желание... пусть..., - её глаза блеснули в темноте, - пусть все будут счастливы!» Она быстро взглянула на него. «Да, пусть всем, кто нуждается, немного повезет, но всем», - ответил он. И они медленно пошли дальше.

А звезда замерла на секунду, почувствовала свою нужность в этом бескрайнем мире, уверенность и безграничное торжество. Почувствовала счастье и в тот же миг разорвалась на тысячи частей. Один кусочек упал в рукав отца большого семейства, рука которого будет пожата вскоре большим начальником, другой попал в колыбель младенца, который, взмахнув ресницами, громко закричал и улыбнулся маме.

И тысячи других осколков разлетелись по земле, принося собой счастье. И в тысячах других домов случился неожиданный успех и удача, благодаря звезде счастья. Или счастливой звезде?...

Любовь ГОРОБЕЦ

* * *

Видишь, я больше не плачу. И дождь закончился. Гулять босиком очень весело. Знаю, что не снимешь туфли, уж слишком серьёзный. Пух. Пух, пух, пух. Пух полетел с тополеЙ, кружит надо мной, а над тобой нет – потому что ты слишком серьёзный. В каждой пушинке есть свой, маленький-маленький мир. Почему это «Я сама – маленькая»?! Нет, просто мы – очень большие. Давай купаться в снежном пуху. Давай будем рыбками. Я буду маленькой рыбёшкой, с красивыми плавниками, такой как в магазине видели, а ты... Ты будешь карасём. Почему-почему? Карасём и всё тут! Потому что слишком серьёзный. А синоптики обещали, что дождя больше не будет. Представляешь, никогда-никогда! Значит, и я не буду плакать.

* * *

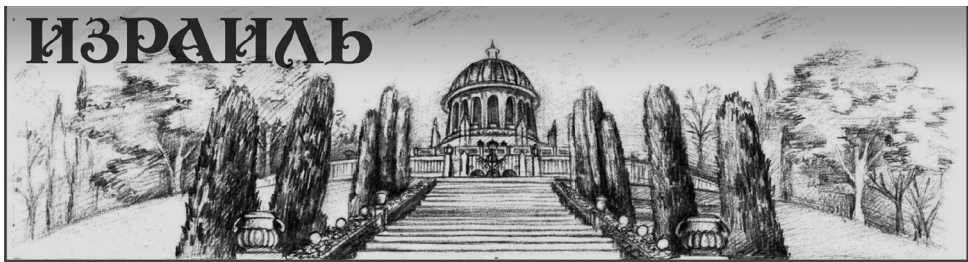
В моём доме было все для уюта: пушистый ковёр от дивана до шкафа, плотные шторы с бабочками и много-много фарфоровых слоников. Здесь было место для тебя. Я даже купила себе домашние тапочки, поставила у входа, чтобы, как только ты придёшь, положить их тебе, и ты поймёшь, что я тебя ждала. Не выключала свет по ночам, ждала! Поднимала трубку с первого звонка, ждала! А вчера ты пришёл. Пьяный, с цветами, с горем. Уткнулся в мои колени и уснул. А я жалела. Жалела тебя глупого, твои раны собакой лизывала, искалеченную душу замаливала. Жалела.

Теперь в моём доме стало шумно. Уют разбавлялся спорами и смехом. Фарфоровые слоники переставлялись с места на место, и тапочки твои уже не стояли у входа, а где-то валялись на кухне.

И я отвыкла ждать, выключала свет по ночам, установила автоответчик. Потому что знала. Доверяла и верила.

В нашем доме всё для уюта. Пушистый ковёр от дивана до шкафа, плотные шторы с бабочками, а фарфоровых слоников давно сложили в коробку, чтобы наш сынок не поранился. Ведь его мы ждем вместе.

Ольга РАДИОНОВА

Ефим Гаммер

Поэт, прозаик, журналист, художник и (до сих пор) чемпион по боксу. Родился 16.04.1945 в Оренбурге, на Урале. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Работает на радио «РЭКА» - «Голос Израиля». Редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп». Член редколлегии альманахов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается». Член правления Союза писателей Израиля - иерусалимское русскоязычное отделение.

2012 год - по итогам Четвёртого международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2011-12 гг.) Ефим Гаммер - автор романа «Приемные дети войны» - стал Дипломантом в номинации «Художественная проза для подростков». Ефим Гаммер, автор пьесы «Лунная голова Гоголя», стал дипломантом Международного конкурса драматургии «ЛитоДрама», проходящем в Москве, в номинации «Пьеса». Отмечен также за активное участие в конкурсе и широкую популярность у читателей на сайте. Ефим Гаммер - лауреат 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Его роман «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир». Всего на конкурс было подано более 600 произведений. 13 из них были награждены лауреатскими дипломами и медалями.

Моим детям
Белле Гаммер и Рону Гаммеру

1

В близком эхе —
скорось боя...
Росчерк пули —
от люстры к торшеру.
И взрыв.
Со стены, под бордюром,
свисают обои.
Снова в дырках
узорный цветной наив.
Это кто так сегодня
воюет незряче?
Что за дело
лихому стрельцу до меня?
У меня тут ребенок —
без повода — плачет,
а теперь ещё лампочку
снова меняй.

2

В супере судачат-пекутся
не о ценах на хлеб и масло.
О квартирах.
Продавай их теперь,
после обстрелов,
чуть ли не даром.
Исподволь выясняется:
в Гило жить еврейм опасно.
А ведь здесь сам Давид
вифлеемские пас отары.
Изменилось Гило?
Изменилось с тех пор в панораме.
А трава — в первородстве.
И козы, и овцы.
И люди — когда не мутанты.
Пастушком здесь Давид
разрывал льву рыгало руками —
так считал Микеланджело,
создавая по сказам
библейским гиганта.

3

Танки едут в Гило
на бронезобразных машинах —
платформах,
с плацкартой ночной —
комфортно.
Эти земные шутики
еврейского высшего сорта
принимает на взгорье
полковник Машиях.
Он размещает земные

еврейские шутики
под вялую перебранку,
как на кухне шахматные фигуры
за чашечкой кофе.
Один станет здесь,
справа от 307-го дома,
второй сдвинем влево...
А дальше? «Дальше» —
кончились танки.

4

Это кто на ветру,
над разливом детских голов,
с ведром краски и кистью,
под солнышком зорным?
Нет, не ошиблись! Резницкий,
художник Андрей, сын Рублев,
окружает Гило
пасторалью —
как бы сказать? — заборной...
И сторонятся танки
ландшафтов,
Андрею открытых,
чтоб в порубежьи не застить
вид на хвойное беспризорье.
Блоки — стены...
Бетонная Атлантида
выплывает со дна
библейского моря.

5

Из самого — из раннего
дочь вспомнит дом израненный,
телеигру в солдатики
и тихий голос братика:
«А что такое мир?»

6

Небо звёздную мечет икру.
Небыль гремит,
словно жёсть на ветру.
Утро приходит и ранит весть.
(Это, ребята, надо учесть.)
Надо учесть... только
ухнул затвор.
Надо учесть... только
выстрел в упор.
Сушится порох,
как в сердце месть.
(Это, ребята, надо учесть.)
Сколько людей —
ровно столько смертей —
от пули-ножа,
от обманных идей.
«Есть добровольцы?»
И эхом: «Есть!»
(Это, ребята, надо учесть.)

7

I

— Что было, то сплыло.
— Не было! Не было!
— Земля ли остыла?
— Небо ли? Небо ли?

II

— Самое страшное — это...
— Обнародование имён.
Тронуться можно умом,
как накануне конца света.
— Самое страшное — это...
— Знать, что приятели вроде
свадьбу справляют в Лодэ...
(либо в Афуле,
Хедере, Кфар-Эдем.)
— Самое страшное — это...
— Думать о детях вне дома
(в «Боинге»... на пароме...
на премьере «Ковчега Завета»...)
— Самое страшное — это...
— Смотреть, как меняются лица,
когда наша кровь — водица,
а древний Израиль — гетто.

8

Нитяное дыханье свирели...
Царь Давид снова бродит в Гило.
Семицветное акварелью
небо в радугу затекло.
Пусть летят-пролетают
века вне
замороженных ложью затей.
На израильском замковом камне
след Давидов, и мой, и детей

Инна Костяковская

Мир, расколотый надвое —
Есть только — свет и мрак
И удивляться надо ли,
Если внушает страх
Расколотый, перекопанный,
Солдатами перештопанный,
Политиками запачканный,
Аферами и подачками...
Мир, из под ног ускользающий,
В дымке вечерней тающий,
С вопросами и ответами,
Воспетый в стихах поэтами,
Всей мощью звучащих лир,
Безумный, безумный мир.

Что наши песни тут?
Книги, улыбки, чувства?
Может, прогнозы врут
И мир не убил искусство?
Там, с высоты, я знаю,
Андрюша, тебе видней,
Как лебединая стая
вдруг падает в ширь полей,
Как гаснут под утро звезды,
Как волны луны качают,
Как ветер, шальной и грозный,
Перины свои взбивает...
Ты там — мотылек, ты — волен,
Как ангел, крылами машешь,
За то, что тоски и боли
Испил роковую чашу...

Ю.К.

Ты — гордая птица,
ты мной окольцован
и дней вереницей
ко мне ты прикован.

Ты — гордая птица,
но слишком ранимый.
Как мне не влюбиться
В твой крик журавлиный!

Таинственной смесью
наполнен до края.
С тобой равновесье
души я теряю.

И падаю в омут
страстей и желаний,
выискивать повод
для новых признаний.

Ожидание дождей
Я так давно устала от разлук,
от этих бесконечных расстояний
и без того семейный узкий круг
сужается тоской непониманий.

Я там и здесь. Я вечный дежавю,
я пропадаю между городами,
я знаю, что тебя не долюблю
из-за дождей, что встанут между нами.

По-прежнему тепла моя рука
и я всё та же, несмотря на осень,
короче и мудрей моя строка,
но мы дождей с тобой не переносим.

И кажется, что осень навсегда
и ночи одиночества опасны,
нам мстят с тобою даже города.
За что и почему? Лишь мне не ясно.

***

Не обижайте уличных собак.
Они порой доверчивы как дети,
Жизнь их сполна обидела и так...
И убивает равнодушие ветер.

И снится им далекий тёплый дом,
Улыбчивая добрая хозяйка,
Но разве псины виноваты в том,
Что мы так часто поступаем гадко...

В глазах собачьих вся земная грусть,
Но в их повадках не бывает фальши,
Я никогда уже не научусь,
Увидев их, идти спокойно дальше...

Перечитывая Паустовского...
Слово, оно как пуля.
Так больно умеет ранить.
И от дождей июля
осталась тоска на память.

Слезы приходят сами.
Строчки плывут, качаясь.
Там, за семью морями
юность моя осталась.

Томик на старой полке,
папой подаренный в детстве
и слова, как осколки —
больное моё наследство.

В наш век иных технологий
забыты давно «телеграммы»,
а их в тоске и тревоге
ждут до конца наши мамы...

***

Мы вырастаем из своих одежд,
и складываем их на дальней полке,
мы вырастаем из своих надежд
и подбираем мелкие осколки
от счастья, что разбилось по пути,
рассыпалось гербарием вчерашним,
и в памяти пытаемся найти
себя не в прошлом, только — в
настоящем.

А где-то распускается миндаль
и паруса по-прежнему крылаты,
но что мы видим, вглядываясь вдаль,
перебирая времена и даты?
И что мы оставляем за собой?
Цветущий сад или выжженное поле?
Мелодию любви играл прибор...
мелодию любви... и боли...

Вадиму Халуповичу...

Нетвердой походкой, но прямо и гордо,
Вы шли, улыбаясь, с достоинством лорда,
Над Вами смыкался в значении свет,
Вы шли через сто поэтических лет,
Вы шли через сто поэтических дат,
как истинный рыцарь в сиянии лат,
Вы шли, поднимаясь над

страшную бездну,

которая нам посылает болезни,
которая нам посылает сомненья
и рушит и судьбы и стихотворенья.
Но вечность умеет и в миг поместиться.
И рыцарь к любимой своей возвратится.
И руку подает в гололёд или в дождь:
«Держись за меня, а не то — упадешь!»

Дочке

Нас будто стена разделила,
холодная, серая, злая.
Ты — частица другого мира,
Для которого я — чужая.

Биться лбом о сырую стену,
чтоб хоть как-то понять тебя,
что ещё обещает телу
наступление сентября?

Мы друг друга давно не слышим,
в этом суть и причина бед.
Разным воздухом рядом дышим
Сто, а может, тысячу лет.

***

Жизнь состоит из мелочей!
Как это мне знакомо!
Из брошенных тобой ключей,
когда ушёл из дома.

Жизнь состоит из мелочей,
из слёз, из хлебных крошек,
из первых солнечных лучей,
из платяца в горошек.

Жизнь состоит из мелочей,
что радуют и ранят.
И только талый воск свечей
хранит мне эту память...

***

Нет, стихи не игра, не потеха.
Это странного голоса эхо.
Это мысль, что ночами струится,
чёрной тенью ложась на страницу.
Это просто явление, случай...
Это то, что пугает и мучит,
что преследует денно и ночью,
что в тебе — постоянно и прочно.
Что в тебе — как заноза, как вирус...
Умножение плюса на минус.
Боль ошибок твоих и сомненья.
Раздвоенье твоё, расслоенье.
Эфемерное, тихое эхо,
вечный спутник и плача, и смеха...

БОРЬБА

Его безмятежный сон нарушили. Он почувствовал боль, она была едва уловима. Он проснулся и прислушался – знакомый равномерный стук. Может быть чуть громче обычного. Знакомые шорохи. Облегченно вздохнув, успокоился и вскоре уснул, но ненадолго. Боль вернулась новыми ощущениями, и теперь он проснулся окончательно.

– Что? Кто? Зачем меня разбудили? Кто вы? Что вам нужно? Я хочу спать. Я же спал?! Мне снился такой интересный сон, правда, не помню о чём. Сейчас время сна. Я знаю это. Сейчас время, когда все спят. Ой, ой! Мне больно! Не трогайте меня! Оставьте меня! Я хочу спать!

Он привычно лягнул. Его нога уперлась в теплую, знакомую до каждой вмятины и шероховатости стенку. Он дома! Значит всё в порядке. Он дома, и боль отступила.

Он не помнил, когда поселился в этом уютном, благоустроенном, немного тесноватом, домике. Он ему нравился. Всё под рукой. Сытная, иногда с горчинкой или слишком солёная еда, но всегда вовремя. И как хозяйке дома удавалось угадывать его желания?! Лишь голод напоминает о себе, она тут же спешит угостить его чем-нибудь. Она хорошая хозяйка – внимательная, заботливая, всегда рядом. С ней он в полной безопасности.

Неизвестность, причинив боль, вновь вторглась в его умиротворенное состояние. Ему показалось, что стенки домика стали наступать на него, сжимая, словно тиски. Это длилось всего несколько секунд. Потом боль отступила. Потом вернулась. Отступила. Вернулась. Отступила. Вернулась.

Он стал привыкать к своему новому состоянию, но вдруг заметил: с каждым возвращением боль усиливается, и промежутки покоя сокращаются. Он встряхнул головой, пошевелил руками, как бы прогоняя невидимого неприятеля. Прислушался. Всегда сопровождающий знакомый стук, издаваемый хозяйкой, стал громче, и частота ударов возросла.

Он испугался...

Неизвестная сила, словно почуяв его страх, начала вытворять невообразимое – она попыталась развернуть его вниз головой. Первые мгновения он не понимал, что от него хотят. Но потом, когда требования становились всё настойчивее и настойчивее, а причиняемая боль всё невыносимей, стал яростно сопротивляться.

– Нужно бороться! Просто так не сдамся. Пусть мне и больно, но я не сделаю, что вы хотите. Нет уж! Странно. Почему молчишь ты?! Ведь ты всегда была рядом со мной. Охраняла мой покой, выполняла любой каприз, малейшую прихоть. Где ты?

Он замер и прислушался, ударил ногой по стене, подождал и опять, что было силы, ударил. Она не отреагировала на его зов.

С первых минут бодрствования он слышал какой-то новый, невнятный шум, звучащий всё громче и громче. Он не мог даже предполагать, что эти странные звуки принадлежат его хозяйке. Она стонала и охала.

Сжавшись в комочек, словно защищаясь от прямых ударов, он попытался спрятать голову. У него ничего не получилось, домик был слишком мал.

– Хорошо. Пусть раньше я не слышал этого, но это её голос. Значит – она никуда не ушла. Я знаю точно, она не могла уйти и бросить меня в беде. Она, как всегда, рядом.

Неведомая и безжалостная сила попусту не тратила время. Когда-то неуживимый, тщательно охраняемый домик становился опасен, он в нем – беззащитен. Его воля к сопротивлению угасала, оставалась последняя надежда – хозяйка домика. Она знает, как ему помочь. Она знает всё.

– Что? Что происходит? Помогите мне. Мне больно! Ты должна мне помочь. Слышишь меня?! Мне больно. Они делают мне больно. Они хотят, чтобы я развернулся. Зачем? Мне так неудобно. Ты должна мне помочь. Сделай что-нибудь. Ты должна.

Она почему-то медлила и не отвечала на его призывы. Будто ждала, когда он выдохнется и подчинится неизвестной силе окончательно. Что-то ему подсказало – она и недруги объединились. Их действия дополняют друг друга и направлены против него.

Предательство стало такой неожиданностью, что он на мгновение потерял контроль над ситуацией, и этого хватило, чтобы неизвестная сила справилась с ним. Он развернулся, приняв неудобную для себя позу.

– Ну, вот. Вы добились, чего хотели. Теперь-то оставьте меня в покое?! Я устал. Я хочу спать. Бороться с вами сил нет. Мне было так хорошо! Я жил себе и жил. Вдруг вы. И почему ты меня предала? Ах, ладно. Пусть она с вами, а не со мной. Только дайте мне уснуть.

Силы покидали его. Ему казалось – он куда-то проваливается. Неосознанно пнул ногой стенку и услышал её голос. Она кричала. Кричала так, что ему показалось, его раздирают на части.

Она – единственное, что у него есть – в опасности! Злоба захлестнула его. Как смеют они мучить её?!

– Что? Что вы делаете?! Вам мало моей боли! Вы издеваетесь и над ней. Оставьте её, не смейте делать ей больно. Ей нужна моя помощь! Как я могу ей помочь? Мучители! Не трогайте её.

Его мысли путались.

Вторгнувшись в его ограниченный, с давно установленными правилами и привычками мирок, неизвестная, потусторонняя сила раскачивала и разрушала его. С необъяснимой периодичностью враги отступали, затем опять возвращались. И каждый раз боль становилась всё сильнее. Вот и в этот раз. Вернувшийся неприятель так яростно атаковал его домик, что он сотрясаясь, пытаясь извергнуть его из себя. Но не тут-то было. Преодолевая нестерпимые мучения, он сопротивлялся и боролся. Уже не за своё размеренное житьё, и не за свой уничтожаемый домик, а за её и свою жизни.

К ней он больше не обращался, зная, что и она ведёт борьбу, и в одиночестве продолжал противостоять всё нарастающим толчкам, которые подталкивали его к неизвестности. В минуты затишья, когда боль, как волны отступала, отдыхал и набирался сил для отражения новых шквальных атак. Как только его стали методичными толчками подталкивать в реальность. Наконец-то добившись нужной им формы, они закрутили на его голове стальной обруч. Но и на этом его страдания не кончались. Когда он, оттолкнувшись ногами от стен домика, извиваясь всем телом, вырвался из него – его ослепили. Ушла боль, прекратились крики, стоны, но остался всепожирающий страх и обжигающий свет.

– Это всё?! Как жаль. Её не слышно. Нет её запаха. Всё чужое. Чужое...

С ним что-то делали. Крутили, вертели. Куда-то перекладывали. Чем-то мыли, вытирали, во что-то заворачивали. Потом куда-то понесли. Незрячими глазами он смотрел вокруг, ничего не видя и не понимая. Вдруг он весь напрягся, еле уловимо втянув в себя воздух. Он почувствовал её запах. Запах приближался. Ликуя, он вдыхал его полной грудью.

– Как себя чувствуешь, мамаша? Нормально? Ну, вот и хорошо. Принимай сыночка. Смотри, он уже спит. Намаешь малыша. И ты устала. Отдыхайте.

Он рядом с ней!

Услышав стук родного сердца, он забыл и о своем первом доме, и о своих мучениях. Он безмятежно спал, уткнувшись носиком в теплую материнскую грудь.

Аляева Галина

Член союза журналистов России. Член союза писателей России. Публиковалась в литературно-художественных журналах: «Встреча», «Российский колокол», «Кольцо А», «Союз писателей», «Наше поколение» (Молдова) и др.

Автор двух книг: сборник рассказов «Черта» (2010); историко-краеведческое издание «От родовой вотчины до первой ракеты» (2012).

Георгий Панкратов

Редактор, публицист. Родился в Санкт-Петербурге. В разное время проживал в г. Севастополь, Нижний Новгород, Екатеринбург, Омск, Москва. Книги стихов: Невод мира сего (2012, «Москульт»)

Полномасштабный реверс времен

Бумажные птицы года,
Самолетки, не долетевшие до аэродрома.
Промокли... сгорели...
сбились с пути... поломались.
Я, помнится, думал тогда:
Скорей бы построили
Новую ветку метро,
Мы чтобы уж точно с тобой
Никогда не расстались.

А теперь я, как ржавый гвоздь,
Пролежавший под снегом
не самые теплые зимы.
И все кажется — раньше ведь звезд
Было больше, да на такие
Немыслимые величины.

Я пересчитываю на “бухло”
Время встречи с былыми друзьями,
Чтобы вычислить интерес
и силу общенья.

А казалось, что будет светло
Несомненно, не одну вечность
от их свеченья,
И я, может, умру на губах
С их именами.

Слепой спелеолог —
вот кто такая смерть.
Мы диггеры: вся жизнь в копаньях—
откуда пришли.
Я, помнится, верил: всегда под ногами
Будет эта земная твердь,
Но остался один песок, и небо в пыли.

Пролежим под столом
еще несколько зимних дней.
Обними меня... Нет, так еще холодней.

* * *

Куда уходят поезда метро
После конечной?
О том ты знала, друг сердечный.
В небесной линии сверкали купола,
Дожди смывали позитив с Малой
Садовой.
Вопрос обыкновенный: Как дела? —
Звучал — обыкновенно — в полвторого.
Там было Солнце, где сейчас моток
Колочей проволоки с острыми узлами.
Та же река, сменился лишь исток.
Деревья те же — с новыми стволами.
Тот же пожар, выходишь в мир когда:
Плюет и чавкает все — радуется свету.
Пройдешь Галерною, от площади Труда,
А там — глядишь — уж ничего и нету.
Нева в дыму, и светофоров свет
Повсюду только желтый,
желтый, желтый.

И за рукав хватаешь — где здесь след
Ее?—прохожего, и шепот: да пошел ты.
Так верил в снег, что ляжет на ладонь,
Что будет в волосах ее искриться;
И вот весь город пред тобой —
дотронься:
Лед! — а ваши не видны и вовсе лица.
Разбей фотообои на стекле
И выйди в мир вне времени, где, вечный,
Ты позабудешь страсти этих лет
И, может быть, узнаешь... или нет?
Куда уходят поезда метро
После конечной.

Илья Боровский

28 лет, родился в городе Уфа - столице республики Башкортостан. С детства занимался спортом, греблей на байдарках. В 12 лет проснулась тяга к творчеству. С тех пор пишу стихи и тексты к песням. Автор сборника стихов и прозы. Творческий девиз жизни «Живу, как чувствую!»

Осенний Париж

Ты, мне говоришь о Париже?
Я тоже в Париже бывал.
И мельком прочёл на афише,
«Париж - это мой идеал!»

Бродил я средь узеньких улиц,
Ногами листву собирал.
Вкушал из Нормандии куриц
И устриц марсельских глотал.

Мне пели французские птицы,
О дальних дорогах Руси.
Романсы стирали границы,
На ветках, в предместье Берси.

И листья летели за ворот,
И я, всё быстрее понимал,
Париж - это вовсе не город,
А мир, что ещё не познал.

Париж - это символ веселья,
Прощай развеселая даль!
Вернусь и скажу, без затей я,
«Paris-vous etes mon ideal!»
(Париж - ты мой идеал).

Уставший человек

Я бессознательно уставший,
Я неосознанно такой,
Легко за годы растерявший,
Былую статность и покой.

Мне непривычно без работы,
На нервах серая зола,
Как псы, вгрызаются заботы,
Душа раздета догола.
Готовы лопнуть перепонки,
Под напряженьем суеты.
Без выходов. Сплошные гонки,
За тенью умершей мечты.

И годы бьют прямой наводкой,
Хлестают сердце трассера.
Я заливаю раны водкой,
Скрипя зубами до утра.

Но, несмотря на злые взгляды,
И камнепады с высоты,
Бегу туда, где мне не рады,
Саяя там свои цветы.

Живём под небом только раз

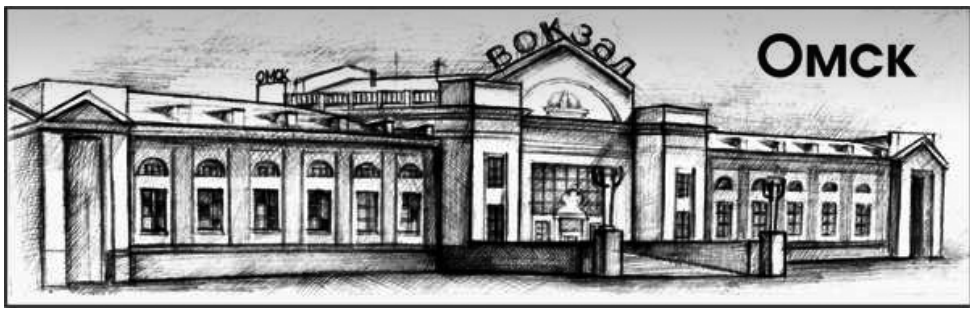
Живём под небом только раз,
Мелькая в зеркале экрана,
С дурманом лёгкого обмана,
Вдыхаем праздничный экстаз.

Живые рвёмся за предел,
Нам всюду грезятся примеры,
А не вампиры и химеры,
С кровавым злом у мёртвых тел.

Мы гоним жизнь, нас терпит Бог,
С надеждой в скорое спасенье,
И быстротечность проведения,
Случайно выдуманных строк.

Стремимся жить, срываясь с мест,
В концерт светопредставленья,
Услышав пульс, сердце биенье,
И беспрестанный благовест.

Нам выпал век коротких фраз,
Душой на части разрываясь,
С одной покорно примерялись:
«Живём под небом только раз!».

Дмитрий Юферов

Коренной омич, 1976 года рождения. Окончил Омский государственный педагогический университет и Областной колледж культуры и искусства по специальности: исполнительское творчество. Владение музыкальными инструментами: гитара, фортепьяно, флейта, ударные. Должностные обязанности: Руководитель и музыкант ВИА «Платина», директор культурно-досугового центра «Иртыш», актёр, композитор. В 2012 году опубликовал книгу стихов «Последний вздох инфанта». Неоднократный лауреат межрегиональных и международных театральных фестивалей и конкурсов в номинации «Лучшая актёрская работа»

Моя душа

Моя душа — зарёю
Ложится на снега,
Сливаясь с чистотой,
Теряет берега.

Моя душа — травую
Растёт по склонам гор
И перьями на крыльях,
Птиц, любящих простор.

Она прекрасным солнцем
Глядит в течение рек,
Водою оmyивает
Поросший тиной брег.

А ум толкает в омут,
И в цепи мысль куёт,
Душа течёт слезами
И лишь полёта ждёт.

Елена Евдоченко

Родилась в Омске в 1956г. После окончания Омского педагогического института, работала в школе преподавателем французского и немецкого языков. Затем корреспондентом в редакции регионального журнала «Земля Сибирская, Дальневосточная», редактором кинопрограмм на одном из телеканалов, сотрудничала с редакциями областных и городских газет. Рассказы были напечатаны в журналах «Виктория» и «Омский лекарь», а так же в областной газете «Омский вестник». Стихи — в коллективных сборниках «В поисках гармонии» (г. Омск). «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Цветочная коллекция», «Мой любимый город» (г. Омск); в литературных альманахах «Иртыш - Омь», «Тарские ворота», «Чаша» (перевод на французский язык стихотворений А. Кутилова) (г. Омск). Является автором текстов более 60 песен, многие из которых вошли в репертуар известных в Омске певцов и талантливых молодых исполнителей.

Одиночество

Гостит одиночество в доме моём,
давно уже став приживалкой.
Случается, часто мы чай вместе пьём,
а после поспорим с ним жарко.
Гуляем вечерней порой сообща,
пугая собак и прохожих.
Зачем-то повздорим опять споряча...
По-своему прав каждый. Всё же
понять нам друг друга, увь! Не дано.
А как с ним расстаться — не знаю.
Поднадоело такое кино!
Играть роль другую желаю.

Желаний несбывшихся зыбкий туман
как в латы меня облачает.
Он жизни моей очевидный изъян
геройски собой прикрывает.

Грустит одиночество. Надо ж, ему
не нравится быть приживалкой!..
И вместе с ним горькие слёзы прольют:
его, непутёвое, жалко.
Прилипло ко мне и твердит каждый день:
«Как славно! Никто не мешает...»
Заметив в глазах осуждения тень,
хвостом виновато виляет.

У каждой истории есть свой конец —
к нему мы идём изначально.
Тяжёл одиночества колкий венец,
к тому же, — овевя печалью.
Да, можно, улыбку в глазах приютить,
казаться простой и весёлой...
В мажорных тонах моей жизни мотив
звучит, как кантата, сурово.

Вячеслав Омский

(Барыбов Вячеслав Васильевич), родился в 1942 году в городе Омске. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Печатался в США, в Австралии, в Чехии, в Украине, в многочисленных российских журналах и альманахах. Автор трёх книг: «Из века в век» (2007г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.). Заместитель главного редактора медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк), соредатор альманаха «Чаша» (Омск), литературный редактор альманаха «Тарские ворота» (Омск). Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2012г.)

В изгнании

“Радость одна у меня -
Ежесекундная ты!”
Секст Проперций

Жестоким судьбы виражи
Мне дикую дарят печаль,
И пляшут кругом миражи,
Зовут меня в дальнюю даль.

Холодные ветры оков
Доносят в чужие края
Мне запах родных берегов
И снится родная моя.

Нет в мире безумней огня,
Нет в жизни счастливей мечты,
Радость одна у меня -
Ежесекундная ты.

Вы нищие плотью и духом...

Ответ А.Козыреву
на его стихотворение
«Реквием по двухтысячным»

Вы нищие плотью и духом,
Вам главное только — «моё».
Не станет земля для вас пухом,
Коль вы не любили её!..

Ряд Фибоначчи

«Всё — есть число...»
Пифагор

От мысли гения счастливой,
от взгляда острого не скрылся,
холодных чисел ряд унылый
вдруг ясным светом озарился.
Из тайны сумрачной, бескрылой
в основу жизни превратился...

МАЛЕНЬКИЙ ТРАМВАЙ

Жил-был маленький трамвай, который мечтал стать поездом, когда вырастет. Взрослые трамваи недоумевали, как это трамвай может стать поездом. Ведь они видели столько рельсов в своей жизни, столько по ним поездили, что знали наверняка — трамвай не может быть поездом. Да и потом железнодорожные рельсы слишком велики даже для самого большого и умудрённого опытом трамвая. Куда уж этому малявке, который ездил только по одному маршруту за всю свою жизнь, да и то по самому короткому.

Но маленький трамвай продолжал верить, что когда-нибудь он станет настоящим поездом и уедет в дальние страны. Когда он ехал по узеньким переулкам города, он представлял, как будет здорово гудеть настоящим паровозным гудком, проезжая по большому мосту через реку, название которой он ещё не знал, но был уверен, что это огромная, быстрая и красивая река, бегущая через всю страну, в которой ему предстоит очутиться.

Маленький трамвай смотрел на проезжающие мимо него старшие трамваи и удивлялся тому, почему они такие печальные, почему не радуются солнцу, так приятно согревающему их вагоны, и веткам деревьев, которые иногда задевают окна. Они не радовались даже пению собственного сигнала, который раздавался лишь иногда, если кто-то из пешеходов замешкается на рельсах.

Маленькому трамваю нравилась его работа, которая была для него просто прогулкой по самым загадочным и необычным местам города. И хотя маршрут был всегда один, маленький трамвай видел всё каждый день по-новому. Он мог ездить по маленьким улочкам бесконечно долго, никогда не уставая, и под вечер, когда отправлялся домой в депо, чтобы провести там ночь, всегда был полон сил и радости. Старшие трамваи говорили, что это пройдет, и с возрастом он тоже будет еле тащиться в депо, и думать о том, когда же его, наконец, спишут и он сможет отдохнуть. Но маленький трамвай не обращал внимания на такие разговоры. Он каждый вечер мечтал о новом дне, и о том, что он принесёт ему.

И вот однажды один инженер решил построить такой поезд, которого никогда раньше не было. С виду он был совсем как трамвай, да и внутри тоже, но кое-что всё-таки нужно было поменять. Этот самый инженер выбрал маленький трамвай из всех, что ему предложили для почётной миссии стать первым поездом-трамваем. Он сделал его вагон немного шире, и поставил специальные колеса, ну и голос у трамвая стал немного другим, более глубоким и громким. А в остальном трамвай остался прежним. Теперь он ездил через большую реку по огромному мосту, как раз в той стране, которая виделась ему в мечтах.

СИНИЕ ГЛАЗА ЛЕТА

Июль. Макушка лета. А лето нынче выдалось жаркое. И яду по проселочной дороге, которая обрезает широкое ржаное поле. Рожь стройная, высока, густа. Колосья как на подбор, ядрёные, провисли грузно. Шуршат колосья, качаются колосья. Сухой шелест катится по полю.

Густая рожь омыта молодыми дождями, и хлебный крепкий дух вокруг заполняет воздух.

Поле похоже на море. Ходит ветер, гуляет ветер по этому морю, балует с колосьями.

То в жгуты их вьёт, то воронки крутит. То лохматит посевы, а то к земле прижимает. Отпустит на время и снова по верхушкам ходит.

Расплескались хлеба, раскачались во всю ширь. И солнце над ними такое, что не заслониться. Взглянешь на него — долго потом перед глазами чёрные круги, пятна плавают.

Яростное солнце. Кажется, что пылает и злится небосвод. А рожь стоит, колосится. Шумит полными, тяжёлыми колосьями. И всё вокруг заполнено шумом тучных, усатых колосев. Широта и свобода в хлебном поле на все четыре стороны такая-дух захватывает. И радостно в этом вольном поле находиться, дышать горячим запахом живнвя, слышать кузнечика, шум колосев на ветру. А по краю ржаного поля, расстилается яркая синева. Васильковая синь.

Такая весёлая и открыто приветливая.

Рожь и васильки. Давние соседи. Рожь-кормилица, а васильки — радость, отрада для глаз и сердца, забава. С давних времён руки пахаря терпеливо и строго пытались отделить рожь от василька, хлеб от забавы... Потом уже в наше время, принялась за него химия: и горше судьбы, наверное, не было ни у одного нашего полевого или лугового цветка. А василёк и тут не оробел, не сдался.

А может, рожь не может жить без василька? Ведь есть свет и тень, день и ночь, снег и трава, есть рожь и есть василёк. Выжил и, не показывая человеку укора, дивно полыхает синью, так глазастро доверчив, что не заметить его просто невозможно. А как заметишь, то обожжёт тебя радостью, наполнит сердце твоё теплом. Да ведь это...это же перед тобой синие глаза самого Лета. Присаживаюсь у края поля. Гляжу на василек, будто впервые. Стебель у василька сух и высок(не иначе, как на свою соседку рожь равняется), листья сухие и узкие. Цветок голубой по кругу, по краям, а в серединке синий-синий. А запах василька — запах поля.

Ложусь на межу. Лёгкий ветерок чуть-чуть шевелит рожь. Если глядеть снизу, от земли, то рожь кажется ещё выше, а русые, грузные колосья вроде бы трогают, глядят небо. А васильки рядом с колосьями синеглазо улыбаются. И так вольготно и хорошо.

Солнечно и тихо. Каждая травка в полдненную жару оживает, испуская терпкий дух. Ни один звук не нарушил насторожённой тишины, и только нет-нет да подает голос из ржаных дебрей перепёлка: «Пить пойду... пить пойду...» и лишь дальнейшее заливающее ржание табуна с выпасов, с дальних лугов, словно эхо, напоминает об ином, утраченном мире, похожем на летний рай.

И тут же в поле откроется тебе вся немыслимая глубина и красота Лета, прошедшего и будущего, вся его доброта, щедрость и теплота (да, да, не удивляйтесь!). Малейшее дыхание природы убаживает душу, веет искренностью, здоровьем, детством, хлебом.

И ты не выскажешь вслух, а лишь про себя подумаешь: «Как хорошо жить на земле, как чудно жить на земле!»

И тебе захочется затаить дыхание и думать обо всём сущем. И снова иду я полевой дорогой, любуюсь васильками. И я точно знаю, что василёк пройдёт с Летом до конца. До последнего дня и часа.

И будет любить ржаное поле своими синими глазами и тогда, когда оно опустеет.

Анастасия Мист

Родилась в г. Омске. Первое стихотворение сочинила в 5 лет. Первые публикации состоялись в молодежных газетах «Мальчишки и девчонки», «Класс!» и в альманахе «Тарские ворота» (Омск).

Маргарита
Ефимова-Дашкевич

Родилась в 1960 году в Актобинской области. Училась в Омском государственном педагогическом институте. Печаталась в омских журналах «Иртыш-Омь», «Преодоление», «Журавлёнок», «Виктория», в альманахе «Тарские ворота».

Омск

Ирина Юртаева

Алла Александровна Марченко – родилась в Омске, училась в Омском институте культуры. Печаталась в журналах «Иртыш-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), в московском альманахе «Поют любовь вам ангелы-поэты», автор книги стихов «Умри – воскресни» (Омск, 2005).

Ты добрый врач, и мой спаситель,
Собой мои наполнив дни,
Как дрессировщик, как мучитель,
Загнал меня в страну любви.

Непониманием, как плёткой,
Исполосуешь вдоль спины.
Я слишком скоро стала кроткой,
Но в этом нет моей вины.

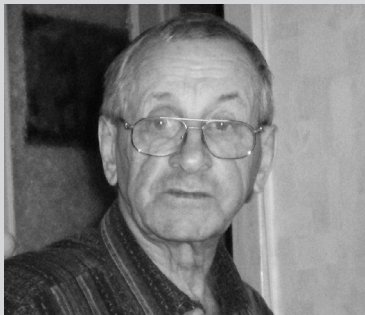
Мечусь затравленной львицей,
Свет - как манежные огни.
Забьётся сердце славной птицей,
Когда ты скажешь: «Мы – одни».

И смуглые протянешь руки,
Чтоб я прильнуть к тебе смогла.
Исчезнут загородок прутья,
Растают цирков купола.

* * *

От Ты до Я – почётный караул
Условностей, в силках которых тесно.
Чужие шторы, окна, двери, стул,
Кричать и звать на помощь – бесполезно.

От Я до Ты – лишь несколько шагов,
Лишь руку протяни, такая малость.
Воздушный замок в пене облаков...
Пригрелось, приснилось, показалось...

Валериан Толстов

Родился в марте 1935 года на ж.д. станции Богандинка под Тюменью, С 1936 года проживает в г.Омске. Сменил много профессий: начинал токарем-инструментальщиком, после окончания военного авиаучилища служил в рядах СА, в 1961 году попал под сокращение, работал радиомехаником на заводе, преподавателем в гражданском авиаучилище, механиком на лётно-испытательной станции, технологом на заводе по сборке авиаприборов, главным технологом, главным энергетиком СМУ, был внештатным корреспондентом на радио и телевидении. Все эти годы писал стихи.

Аннушке

Первой тропинки виток неумелый,
Вдруг развернётся легко и уверенно.
В путь по тропинке отправится смело
Мир познавая, Анна Андреевна

Тайны наследственным пробует взглядом-
Бездна несметных глубин не измерена.
Множество тайн в перспективе и рядом,
Сложных постигнет Анна Андреевна.

Тайны великие ждут впереди,
Счастье изведать тебе их доверено.
В жизнь по-фамильному прочно войди.
Счастья без мер тебе, Анна Андреевна.

Летняя зарисовка

Сушняк и жар. Томит истома,
А счёт идёт на «чёт – нечёт».
Вдруг, вырвавшись из бурелома,
Ты набредёшь на родничок.

Один глоток живой воды –
И напрочь все мечты о доме,
И ты спешешь дорвать штаны
В недавно клятом буреломе.

Санкт- Петербург

Ветер юности

Море, море и море...
Дни бегут и года.
Если связал жизнь с морем,
Его не забыть никогда.
И если на берег придется
Бросить навеки якорь,
Тебе, конечно, взгрустнется -
В жизни бывает всяко.
Но память в себе оставит
Винта, затерянный след,
Как океан качает,
Как сердится изредка “дед”.
И снова слуха коснётся
Размеренный стук дизелей,
И стук этот с шумом сольется
С шумом далеких морей.
И будет сниться ночами
Бессонница вахт ночных,
Морскую травлю за чаем
Снова напомнят сны.
Но может быть и такое:
В один прекрасный момент
Море не даст покоя,
Возьмет тебя снова в плен.
Тогда на весеннем рассвете
Поднимешься снова на борт,
И снова юности ветер
Примчится с тобою в порт.

Ленинград

Тихо волны шумят за кормой,
Мы идем прежним курсом своим,
Мы спешим и стремимся домой,
Ленинград вновь увидеть хотим.

Вот и он показался вдали
Легкой дымкой тумана объят,

КРОЛИК

женной рачительной хозяйкой для этого праздника, а дети – киселем из крахмала с малой толикой сахара.

- С наступающим Новым годом, дорогие мои! Но прежде – нужно проводить старый, каким бы он ни пришелся: что было, то было, и что было – то наше! – восклицает Ада Ильинична, глаза которой лихорадочно блестят. - Все кончится этой зимой, вот увидите! Недолго осталось.

Под радостные возгласы и звон чашек, Ада Ильинична виртуозно разделяет тушку ножом на практически равные части и кладет каждому порцию, сдоблив ее гречкой с серым крахмальным соусом. Непривычно полная тарелка висится перед Дмитрием Дмитриевичем, пар поднимается, заволакивает ноздри приторным запахом дичины. Дмитрий Дмитриевич слабо улыбается домохозякам. Только бы ничего не заметили. Он старается быть особенно милым, когда произносит:

- Адочка, душа моя! Я полежу немного, две минуточки, что-то нехорошо мне, но скоро пройдет, сама знаешь. И приду снова к вам, и будем праздновать дальше все вместе.

Говоря это, он потихонечку отступает к двери, улыбочивый и обаятельный, как и всегда, а домохозяцы сочувственно кивают ему и говорят: «Да, конечно милый папочка, полежи, ты устал, мы понимаем...»

- Адочка, вы ешьте мою порцию, я ей-богу сегодня ничего есть уже не могу!

Проговорив это, он со всей возможной поспешностью вываливается в коридор, задержав за собой плотную бархатную штору, украшенную бывшими прежде нарядами и веселыми бомбошками. В коридоре можно уже чуть расслабиться и не вымучивать из последних сил улыбку, тут уже никто не увидит, как мертвенно бледнеет его лицо. Только бы до спальни добрести и не упасть. Держась за стенку, Дмитрий Дмитриевич медленно шаркает в полутьме и вот, наконец, спальня. Квартира, которая до голодного времени казалась его семейству невеликой, теперь - словно неодолимый лабиринт.

Забравшись под несколько одеял, столь тяжелых, что не потерявшая чувства юмора Ада Ильинична прозывает их «могильной

И военные корабли
Мирный сон ленинградцев хранят.

Мы пришли рано утром домой,
Город стал просыпаться еще,
Ленинград, дорогой, милый мой!
Как люблю я тебя горячо!

Как прекрасны мосты над Невой,
Как красивы все улицы, скверы,
И ничто не сравнится с тобой,
Лучший город ты - в это я верю!
* * *

Ты вечером присядешь у окошка,
Откроешь ставни, ветерок влетит,
Остудит он вареную картошку,
Что на тарелке горкою лежит.

И не поймет, шалун, твоей печали,
И не поймет желанья твоего,
Чтоб хоть на миг извлечь из синей дали
И посмотреть на друга своего.

Любимый снова в шумном океане,
Где воют ветры, злости не тая.
О лучших днях ему напоминает
В каюте фотокарточка твоя.

Он долго смотрит на нее с улыбкой
И тихо шепчет нежные слова,
И хочется открыть ему калитку
Во двор, где заготавливал дрова.

Маяк

Ночью, когда темнота вокруг,
Порой ни зги не видать,
Вдали искрящейся точкой вдруг
Огонь начинает мерцать.

И улыбнется в густые усы
Бывалый седой моряк
И скажет матросу: “Прямо держи,
Держи, паренёк, на маяк”.

Огонь его радость для моряков,
Но всех родней и милей,
Ярче всех других маяков
Маяк отчизны моей.

Горит он вдали путеводной звездой,
Его не сломить годам,
И будет он вечно во тьме ночной
Путь освещать судам.

плитой», Дмитрий Дмитриевич долго трясся мелкой и страшной дрожью, вот уже много месяцев изматывающей все его существо. Как тщетно пытался он унять ее, как старался он скрыть ее от всех и даже от себя! Еще недавно высокий, крепкий, импозантный мужчина, успешный актер, любимец женщин и отчаянный ловелас и это при том, что нынешняя, четвертая жена была моложе него почти на тридцать лет, за блокадные месяцы он потерял всю свою физическую мощь, безоглядную веру в будущее и непрерывную радость сердца. И теперь, оставшиеся еще силы, тратил он на то, чтобы скрыть этот страшный факт от любимых и любящих.

Дмитрий Дмитриевич перевернулся на спину и устался в потолок, некогда белоснежный, а теперь покрытый серой копотью от буржуйки. Запах жареной мертвечины преследовал его и здесь. Мысленно представил он себе, как его милая нежная Аденька весь день выслеживала эту тощую кошку, потом – долго ее ловила, после нашла способ умертвить сопротивляющееся, но ослабевшее от голода, как и она сама, животное. И освежевать тушку нужно было тайно, чтобы никто не узнал. Вот каким образом «кролик» стал украшением праздничного стола... Слезы навернулись на глаза пожилого актера, до глубины души он был растроган мужеством своей хрупкой и от важной жены.

- Но съесть кошку – выше моих сил! – мысленно заорал он, – будь проклята война эта бездарная.

Дмитрий Дмитриевич зашелся в немом крике – от собственного бессилия и от точного осознания неизбежности конца. В последнее время он чувствовал, что очень скоро умрет, может быть даже сегодня, а может немедленно, прямо сию минуту.

- Папа! Папочка! – прозвучало из коридора. Звенящий колокольчик – голосок младшенькой, Дашеньки, «поскребыша», любимицы Дмитрия Дмитриевича. – Папочка! Ты еще приходишь к нам на праздник?

И с трудом поднявшись с кровати, старый актер из последних сил выпрямил гордую спину, улыбнулся, как прежде - обаятельно и открыто, и стараясь ступать твердо, вышел в коридор, чтобы взять за руку дочь и, словно наследную принцессу, сопроводить ее к новому столу.

ПОЭТ И ФЕРМЕР

Попал я однажды в гости. Общество незнакомое, но люди душевные.

Среди прочих сидели Поэт и Фермер. Поэт был настоящий – изрядно седой, небритый, патлатый, в каком-то свитере и очках. Фермер тоже был не игрушечный: сухонький, крепенький, с бородкой, домовитый и обстоятельный, с присущим хозяйством.

Прямо они не спорили, да и вообще вели себя дружески, так как знали друг друга давно. Пикировались, скажем так, на грани. Еще немного – и перебор. Но обошлось.

Поэт, понятно, не умел вбить гвоздя, и Фермер не одобрял его образ жизни. Заговорили о яблоках. Всплыл некий общий почтенный знакомый-мичуринец.

Поэт, не самый специалист в садоводстве, пошел ва-банк:

- А знаешь, что он несколько сортов на одном корне выращивает?

- Как это? – не поверил Фермер.

- А так. Привой сразу на корни. Прошло немного времени – торчат стволы, все с новыми яблоками, – равнодушно отозвался Поэт. – Есть патент. Я видел...

- Но как же на корень? – Фермер качал головой.

- А вот так, ножиком надо ковырнуть.

Фермер был посрамлен. Поэт непринужденно парил, имея вид милостивый.

Чуть позже Поэт выпил еще немного и стал рассказывать про путешествие Афанасия Никитина. Начал-то Фермер, но Поэт перехватил инициативу, и вышла целая лекция.

Общество слушало, околдованное. Все разговоры прекратились. Поэт, сверкая очками, пел. Он рассказал все-все, чего я не знал и не упомянул. Как Никитин поплыл с товаром не помню, куда, а там ему подсказали, что в Астрахани можно взять вдвое больше, и он поплыл дальше, но на месте узнал, что еще богаче будет в нынешнем Баку – поплыл и туда, да ограбили, и попал он к какому-то султану, и было у Никитина много драгоценностей. Назывались камни и сокровенные личные места, в которые их прятал Никитин прямо на себе – не помню, зачем; звучали соболя.

- Ты рядом шел, что ли? – вскипал Фермер, ерзая на месте.

У него была своя версия и дальше он лишь иронически улыбался.

Поэт продолжал. Никитин отправился в Эфиопию, а из нее пешком дошел до Смоленска.

Фермер даже подпрыгивал и махал руками.

- Ну все, все! Никто уже не слушает!

На Фермера зашикали. Поэт рассказывал дальше о том, как Никитина уговаривали показать драгоценности Папе и возглавить крестовый поход, но тот отказался и вскоре вовсе исчез, так что царь Иван Васильевич его искал, да не нашел.

Досказав, возбужденный Поэт сорвался с места и вышел курить.

Все были потрясены. Познания Поэта в купеческом мастерстве, тонкостях разнообразных сделок, драгметаллах и соболях поражали.

Фермер, которому не дали высказаться, сидел, полный горького сарказма.

- Ну, скажи свою версию, за чем этот Никитин поплыл, – сжалились над ним.

Фермер отмахнулся.

- Да я ничего, – сказал он и продолжил серьезно, но как Настоящий Поэт. – Ему сказали, что в том краю находится Край Света. Стоит стена, а Край – за ней. Вот он и поплыл посмотреть.

ВРЕМЯ

Время неумолимо. Каждую секунду ты становишься старше. Вдумайтесь – каждую секунду! Всего на секунду, но – каждую!

Не успел родиться – тебе уже семь, и пора идти в школу.

Протянул руку, чтобы дернуть одноклассницу за косу – и не стал, потому что понял – она тебе нравится. Как? Почему? Потому что тебе уже семнадцать, а в этом возрасте девочки представляют некоторый интерес.

Поступил в институт – хлоп! – уже диплом. Постойте! Нельзя же так быстро! Всё-всё, свободен!

Не успел моргнуть глазом – и ты отец. Это вообще ужас! Жизнь только началась, а на руках этот писающий кулек!

Научился пеленать, а уже не надо. Потому что она пошла. Причем, в школу.

Господи, у нее мальчик?! Нет, не родился, а появился, но это значит, что теперь уже и первый вариант исключить нельзя.

Я скоро буду дедушкой?! Только не это! Жизнь кончена! А ведь я такой молодой! Мне еще нет и пятидесяти...

Стоп! Кажется, есть. Забыл! Какой ужас! Хотя – почему? Седых волос практически нет... Правда, других вообще не осталось.

Шестьдесят... Оказывается, собес – не просто смешное слово. А страшно.

Спокойно! Спокойно... В каждом возрасте есть свои плюсы. Теперь, сидя в метро, можно не притворяться, что спишь. Да и вообще: какие наши годы!

Семьдесят – вот какие! Ты часто ходишь с палочкой, и с каждым днем все труднее убедить друзей, что это клюшка для гольфа.

Нет-нет, это еще не старость! Старость – когда девушка, сидящая на коленях, вызывает чувство неудобства. Но обо мне же такого не скажешь? Девушки! Кто-нибудь! Присядайте! Ну пожалуйста!

Семьдесят пять. Юбилей. Тот самый, когда узнаешь, что праздник со слезами на глазах – не только День Победы. Но есть еще порох в пороховницах! Есть! Пороховницы нету.

Восемьдесят. Выговорить страшно. Лучше сказать семьдесят девять лет и триста шестьдесят пять дней. Ты знаешь о лекарствах столько, что можешь пойти работать в аптеку. Но дойдешь ли?

В восемьдесят пять реклама средств от простатита – главный индикатор возраста. Если просто посмотрел – молод. Если посмотрел и записал телефон – уже нет. Если записал и позвонил – пришла старость. А если не позвонил и не записал, потому что знаешь: врут, гады, не помогает... Значит, старость не только пришла, но и осталась.

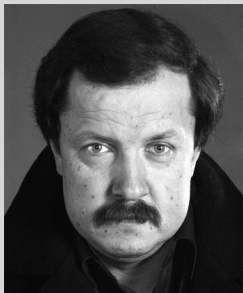
Девяносто... Мне – девяносто? Вот этому человеку в зеркале – девяносто?! Да ему сто! Как минимум! Столько вообще не живут. Хватит!.. Ну, разве что денек... Месячишко... А годик... нельзя?

Время неумолимо. Каждую секунду ты становишься старше. Вдумайтесь – каждую секунду! Но, может, это не плохо? Потому что если мы стареем – значит, живем. А жить – это, черт возьми! – здорово!

Алексей Смирнов

Родился в 1964 году в Ленинграде. Работал врачом, в 2000 году ушел из медицины в словесность. Прозаик, переводчик, сценарист, член Союза Российских Писателей. Неоднократно публиковался в периодике («Новый мир», «Звезда», «Нева», «Полдень, XXI век», «Крешатик», «Шо», «Сибирские огни» и др.). Автор сборников прозы: «Замкнутое пространство», «Место в Мозаике», «Ядерный Вий», «Под крестом и полумесяцем», «Собака Раппопорта», «Центр роста» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Олег Солод

Родился 16 июля 1959 года в Ленинграде. Окончил химический факультет Ленинградского государственного университета в 1981 году. Писатель-юморист, сценарист, драматург, спортивный комментатор. Доцент кафедры химии Российской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, кандидат химических наук. Член Российского союза профессиональных литераторов, лауреат II Московского открытого конкурса артистов юмористических жанров в номинации «писатель-сатирик». Сценарист телевизионных программ «Овертайм», «Дополнительное время», «Настольный кубок», «Кубок юмора», «Арлазорову — 80!», «Высший бал(л)» и юмористических телесериалов «Чисто по жизни», «Подлинная история поручика Ржевского», «Веселые соседи». Автор книг «Принц и нищий, или Чисто по жизни», «Принц и нищий, или Чисто по теме», «Партизаны», «Партизаны. Судный день», «Подлинная история поручика Ржевского».

*Поздравляем
с Днем Рождения!*

Дорогая Светлана!

Коллектив медийной группы изданий «Интеллигент», поздравляет тебя с Днем рождения и с выходом твоей очередной книги! Желаем творческого вдохновения, счастья и долголетия!

Светлана ДИОН

**Вышла в свет
долгожданная
книга знаменитой
балерины, поэта,
прозаика, живущей
в Испании -
СВЕТЛАНЫ
ДИОН**

Александр Захарченко

Родился в 1941 году в г. Омске. Живет в г. Красноярске. Стихи пишет с юных лет. Печатался в газетах: «Красноярский рабочий», «Красноярская газета», «Сегодняшняя газета», «Удачный экспресс», «Литературный Красноярск», в альманахах: «Московский Парнас», «Новый Енисейский литератор», «Русло»; в коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее», «День поэзии Красноярского края», «Посвящение в рыцари», «Момент, истины», «Сестры и братья», «Деды и внуки», «Мужская компания», «Скрипичный концерт», «Небесный свод стихов», «Гололедица», «Шаровая молния», «Вольные птицы» и многих других, в журнале «Литература Сибири». Автор поэтических книг: «Любовь и жизнь» (2001 г.), «Капли дождя» (2002 г.), «Катарсис» (2003 г.), «Птица счастья» (2004 г.), «Встречи у крыльца» (2006 г.), «Я-робот» (2009 г.). Руководитель литературного общества «Русло», редактор-составитель альманаха «Русло», член творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат премии альманаха «Новый Енисейский литератор» (2007 г.), лауреат премии ассоциации «Интеллект и культура» (2007 г.). Член Союза писателей XXI века.

ЛЮБЛЮ!

**Я люблю! И потому внимаю
Каждому дыханию листа.
Как тебя всем сердцем принимаю,
Обнимаю светлый лик Христа.**

**И душе покоя не желаю
Так же, как и финиша любви.
Больше чем живу, тем меньше знаю
Про предназначения твои.**

**Да, и хорошо, что нет покоя...
Что покой, в живых чертах лица?
Я люблю и счастье мне такое...
Радостью... иль тяжестью свинца.**

ВОЗДУХ РОДИНЫ

**Впереди за мерцающей дымкой
Горизонт, ускользающий в даль.
Я иду... И мне, в каждой травинке,
Пожелтевшую часть ее жаль.
Им не надо палящего зноя,
Что грозится дождя не пролить...
Да, и мне, благодатной порою,
Воздух Родины хочется пить.,**

**И не строя далекие планы
И не ставя миражную цель,
Выйду я на лесную поляну,
Где берез и осин карусель:**

**И в траву упаду, закружившись,
Отуманясь от радостных чувств,
Всех пойму, на Земле раньше живших,
И услышу сухих веток хруст.**

**А, вернувшись в черту городскую,
Из нее буду снова бежать,
Потому - в суете затоскую...
Просто нечем мне станет дышать.**

ТАЙНА

**Душа поет или страдает,
Снежинки мокрые летают
И плавно падают, кружась,
На листья желтые ложась.
По ним, как по себе, шагаю
И строчки из стихов слагаю,
Пишу, которых нет пока:
Так начинается строка.
Начало точки где отсчёта?
В чём радость высоты полёта?
Но нет конкретного ответа,
Когда рождаются поэты.
В снежинках осень у Вселенной,
Но будет навсегда нетленным
Рождение, чувство бытия...
Поэт рождается не зря.**

МАРТ —НАЧАЛО ВЕСЕН

**Март - начало весен,
И тепла, и света.
Мне бы пару весел,
Чтоб быстрее в лето.
Мне бы пару крыльев,
Чувства озарений,
Чтоб с небесной ширью
Сравнить кусты сирени,
Чтоб сквозь холод зимний,
Выюги неуютности
Мог вздохнуть я синий
Воздух моей юности.**

ПОДОКОННИК СЧАСТЬЯ

Простой и обычный, скучный день наступал. Было такое ощущение, как будто неподалёку произошёл небольшой взрыв. Окрестности окутала дымка и мелкий туман дождя.

Всё вокруг словно умерло и исчезло. Проснувшись и слегка откашлявшись, он пробрёл вдоль кровати к окошку. Окно было покрыто испариной. Осень... Оставив на стекле след от ладони, он открыл унылый пейзаж, который дал знать, что скоро... Но вот что именно — не знал... Вокруг всё шептало, что что-то произойдёт. Налив кофе и закулив, сел у окна. Дым от сигареты устремился в потолок, и вкус кофе, перемешавшись со «смертельным» облаком, дал знать, что наступил обычный и ничем не примечательный день. На улице словно моросил мелкий дождь, или же это просто ночь ещё не уступила утру, но было как-то уж слишком по-осеннему.

Его взгляд автоматически перешёл на отрывной календарь. Сразу оторвав неделю, он, как ему казалось, оставил нужное для сегодняшнего дня число. Впрочем, даже если и ошибся, всё равно. Так, попивая кофе и докуривая сигарету, он смотрел в окно. Сколько прошло времени — минута, три — неизвестно.

Увидев за окном маленького, белого, с чёрным пятном на спине, пса, он вслух подумал:

— Неправильно это!

Скрипнула дверь ровесника-шкафа, и из его недр было изъято старое пальто. Даже не пальто, а что-то вроде тёплого кителя. На нём виднелись следы от каких-то значков и нашивок.

Сырость окатила человека, как только дверь открыла выход в промозглый и недружелюбный мир. Присев на корточки и вытянув вперёд руку, он позвал пса. Тот медленно подошёл и сел рядом.

— Ну, что ты тут сидишь-то?

Он провёл рукой по влажной мордахе мохнатого.

— Пойдём домой! — чуть слышно сказал человек, и оба друга вошли в дом.

Поднимаясь по подвездной лестнице, пёс вглядывался в лицо человека так, будто он долго отсутствовал и хотел рассказать о дальних странах, где он побывал, как моряк, вернувшийся из плавания.

— Сейчас, сейчас, потерпи, поговорим ещё, — сказал спаситель, открыв дверь. Нос бродяги окутало теплом и чем-то хорошим и добрым. Пёс по-своему улыбнулся и по-своейски сразу запрыгнул на подоконник. Сел и стал смотреть на то место, где только что было неуютно и холодно. Место выглядело с четвёртого этажа почти так же, только уже стали появляться люди, вечно спешащие куда-то.

Спаситель дал новому другу кусок хлеба и вышел из комнаты.

Проснувшись на кровати, он оглядел комнату своими слегка слезливыми глазами. Темно и пусто.

Немного посидев, вглядываясь в темноту, пёс прыгнул с кровати, оставив после себя на одеяле щепящее тепло и неповторимый запах слегка подгоревшего молока...

На улице шёл дождь, а сквозь щели в окне веяло сыростью и свежестью омытой мостовой. Никого... подоконник...

Долго ли пёс всматривался сквозь испарину окна в пустынную улицу — неизвестно. Прошёл первый трамвай и первый вышедший из парадной «жаворонок» скользнул по лужам, стараясь не намочить ботинки.

Новый постоялец почесал за ухом и прыгнул с подоконника. Попил воды из оставленной его новым другом миски и ощутил, как лёгкий озноб прокатился по нему. Облизав свой шерстяной бок, пёс сел напротив двери и стал преданно ждать своего спасителя.

— Ну вот, смотрите. — Лохматый постоялец открыл глаза. Он увидел невероятных размеров женщину с большой связкой ключей в руке. Рядом с ней стоял мужчина в сером костюме. На голове у него была какая-то смешная, как показалось псу, шляпа.

— А это ещё что такое? — Взгляд «серого человека» упал на мокрые глаза лохматого. Только «серый человек» протянул руку, чтоб схватить его, как шустрый хвост проскочил между домоуправом и милиционером.

Пёс сбежал по лестнице и, сбивчиво дыша, поскуливал от того, что глаза застилала пелена из слёз.

Был уже вечер, и на улице постепенно вступала в права тишина. Пёс сидел под козырьком парадной, слегка поскуливая, дро-

Егор Власов

34 года, Красноярск (Игарка). По профессии — радиотехник, занимаюсь монтажом и проектированием слаботочных сетей в квартирах и частных домах. Увлечения: альтернативная литература, современная проза, велосипед (свой), под настроение делаю настольные игры и дарю

жал от холода и моросящего дождя. А мимо изредка мелькали ноги торопливых прохожих, но это были не те ноги, которых он ждал несколько дней.

Человек в сером опечатал комнату и спустился вниз. Встал рядом под козырёк у парадной и закурил.

— Да-а-а, жаль, хороший был человек...

Серый мундир выбросил сигарету и скрылся в пелене густого тумана.

Вскоре стало совсем темно. Несмотря на то, что дождь перестал идти и небо покрыли мириады звёзд, на улице не было ни одного спешащего.

Издали мелькали огни последнего трамвая, идущего в депо. Четвероногий вышел из-под козырька и пошёл по одной из натянутых, как струна, рельс навстречу вагону — навстречу своему спасителю.

Когда было совсем близко, пёс поднял голову. Фонари ослепили его мокрые глаза. Он по-своему в последний раз улыбнулся, сделал глубокий вдох влажного свежего воздуха, и... последнее, что он видел и слышал, — это мокрая мостовая, луна, лязг колёс и потусторонняя, пронзительная трель трамвайного колокольчика.

***

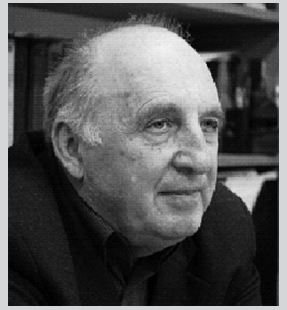
Как-то ранним утром Ки прогуливался по обычному маршруту. Как всегда, от пункта А до пункта В и обратно.

Ботинки отстукивали унылую мелодию по булыжной мостовой. Было очень раннее утро, прохожих ещё было совсем мало, и поэтому казалось, что вышли только те, кто просто не знает, сколько времени. Ки знал, просто раннее утро — это время, когда он обычно прогуливался, так как ему не приходилось сталкиваться с большим количеством людей и видеть их лица, перекошенные от своих проблем. Слегка моросил дождь, навевая сонливость и грусть по чему-то ушедшему, но не очень понятному.

Слегка приподняв зонт, чтоб разглядеть впереди себя дорогу, он увидел идущего навстречу ему человека. Это был не просто человек. Это был он. То есть очень похожий на Ки человек. Всё, что последней мелкой детали, было как будто бы скопировано. Чёрный раскрытый зонт-трость, серые брюки, чёрный вельветовый пиджак, чёрная кепка, чёрные кожаные ботинки. Вот светлые волосы показались из-под кепки. Всё ближе и ближе подходили они друг к другу. Вот осталось каких-то пару шагов. Проходя мимо, Ки посмотрел ему в лицо, со страхом пытаясь отыскать схожесть. Да, схожесть была поразительная! Ки показалось даже, что незнакомец ему слегка улыбнулся, проходя мимо. Наш герой нащупал рукой в кармане пиджака, как ему думалось, самую большую монету, слегка повернулся и, размахнувшись, кинул монету в спину уходящему двойнику. Железка угодила в район левой лопатки и со звоном упала на мостовую.

Ки не помнит, а уж тем более не знает, откуда это появилось, но с уверенностью может сказать только одно: «Если навстречу тебе идёт очень похожий на тебя человек, то обязательно развернись и кинь ему в спину монету!!! Чтоб он не смог жить твоей жизнью, а ты — его!»

Не успев закончить мысль о том, кто и когда ему передал эту истину, Ки ощутил лёгкое прикосновение в спину с последующим звоном. Повернувшись, он увидел растворяющегося в тумане из дождя прохожего, а рядом с его ботинками лежала монета.

Владимир Прокопенко

Физик. Родился 10.10.1932 г. (с. Большая Лепетиха на Херсонщине, Украина) Сейчас - старший научный сотрудник ИФ СО РАН. Поэзия — давнее увлечение. Почти всё написанное так или иначе автобиографично. Публикации: книга «Поле памяти» (2005, Красноярск), циклы стихотворений в журнале «День и ночь» (2005 и 2008), в альманахе «Русло» (2007-2013, Красноярск), в сборниках «Звёзды внеземья» (2009, Москва), «Серебряный стрелец» (2009 и 2011, Киев). Член Творческого союза «Серебряный стрелец» и Союза писателей XXI века.

АВГУСТ 41-го

**Как под прожекторным лучом!
В обмотках молодые боги,
Со скатками через плечо
Они шагали по дороге.**

**На запад шли. Не отступали.
На смертный бой. За отчий кров.
И им дорогу уступали
Гурты недоенных коров.**

**А мы стояли на обочине,
Пока не скроет поворот,
И, пацаны, мы знали точно,
Что этот пропылённый взвод
Дойдет, примкнет штыки отточенные,
И все — как быть должно! — пойдёт:**

**Лихая конница помчится
(как смерч!.. как полая вода!..)
И суждено чему случиться,
Того не будет. Никогда.**

**Не будет ни эвакуации,
Ни бомб, летящих как во сне,
Ни из сухих цветков акации
Лепешек в голод по весне.**

**Не будет серых похоронок
С внезапным криком ножевым,
И дед не будет похоронен,
И брат останется живым.**

**И горечь счастья Сталинграда
Не выжжет в жизни страшный след,
И не пойдёт искать награда
Отца за тридцать девять лет...**

**...А по дорогам шли машины,
Ползли телеги, гнали скот,
И пыль садилась на морщины,
Состарив скорбно детский рот.**

**И, как скирда в колхозном поле,
На стыке ночи и зари,
Не дотянув до Гуляй-Поля,
Горел, снижаясь, ТБ-3.**

РУССКИЙ ПОЛОНЕЗ

Солдату армии Андерса
и моей бабушке*

**Родина, как далека ты!
Я в памяти скорбной унёс
Красные веки заката
И капли свисающих звёзд.**

**Милая, милая Висла,
Жизни и счастья исток ...
Сёстры на север высланы,
А я ухожу на восток.**

**Позвали под чуждые флаги
Сражаться с врагами враги.
Вчера - конвоиры и лагеря,
Сегодня - всевластье пурги.**

**Приволжская степь, промороженная
Душевым теплом не нища:
Спасибо избе придорожной,
Согрела тарелкой борща.**

**Спасибо старухе-украинке.
И я ей - за пищу и кров -
Шепотку пшеницы, украденной
У встречных в степи колосков.**

**Недвижно зерно на ладони
И закамелена сама:
Сын где-то «в излучине Дона»
И всё не приносят письма...**

**В печи догорает солома,
Уже остывает жильё.
Молчим. У судьбы на изломе
У каждого горе своё.**

*Зимой 1942 г. в Заволжье из военнопленных и ссыльных поляков формировалась антигитлеровская армия генерала Андерса.

Нам 5 лет!

Коллектив медийной группы изданий «Интеллигент» поздравляет с пятилетием «Московский Салон Литераторов»! Желаем нашим партнерам творческого вдохновения, успехов во всех начинаниях!

ИСТОРИИ О ЖИТЕЛЯХ АРИСХОРА: УГРЮМЫЙ ГИЛЬБЕРТ

Отрывки из повести «Ловцы рыб»

— Угрюмый Гильберт не всегда был угрюмым, — вдруг сказала Филамена. — Когда-то он был молодым и веселым...

Да, когда-то он был молодым и веселым и играл на своем пианино прекрасные вальсы и польки, которым его научила мать — известная в округе пианистка с дипломом в темно-синей рамочке. Диплом висел над пианино, и Гильберт, раскачиваясь в такт мелодии и высоко поднимая над клавишами длинные кисти рук, всегда смотрел на него и улыбался.

Чаще всего он играл «Негритянскую рапсодию»*, где предполагался вокал, а потому в какую-то минуту он начинал бормотать себе под нос, с большим упоением, подобие вокальной партии. Прекрасная музыка, которую самозабвенно исполнял Гильберт утром и вечером, наполняла весь Арисхор и была так хороша, что соседские мужчины подхватывали своих любимых женщин и кружили в гостиных вокруг обеденных столов, покрытых белыми скатертями, а дети сидели на высоких стульях, болтали ногами и хлопали в ладоши.

Именно под музыку, льющуюся из-под пальцев Гильберта, молодая красавица Фрида впервые впустила в свою спальню первого возлюбленного, напевая ему на ухо магические слова любви.

Именно под музыку Гильберта хромая Летняя плясунья танцевала перед своим слепым мужем.

Именно под музыку Гильберта юная Филамена открыла утром глаза и, околдованная ночными видениями, принялась ждать незнакомого-странника, которому суждено было навсегда остаться в ее доме.

Именно под музыку Гильберта еще не состарившаяся Марта в своем доме на другом конце города заметила в зеркале первый седой волос и от этого совсем не расстроилась. Наоборот, рассмеялась и начала наполнять ванильным кремом пирожные с грецкими орехами.

Но однажды наступило утро, и музыка не заиграла.

И странная тишина в Арисхоре заставила жителей оглянуться в сторону дома Гильберта и насторожиться.

Еще не состарившаяся Марта, расчесывая в то утро седеющие волосы черепаховым гребнем, вдруг загрузила и заплакала над уходящим временем.

Еще не одинокая Фрида за утренней чашкой кофе с тоской закурила длинную сигарету и равнодушно посмотрела на своего друга.

Летняя плясунья, заглянув в слепые глаза своего мужа, разрыдалась и решила, что танцевать больше нет никакого смысла.

Молчуны-братья не поймали большую серебряную рыбу, а юная Филамена засомневалась в том, что ее видение о страннике когда-то сбудется.

Но все надеялись, что наступит следующее утро или следующий вечер, и музыка вновь зазвучит, и все будет по-прежнему. Но этого не случилось. Старенькое пианино не заиграло ни на следующее утро, ни на следующий вечер, ни через неделю, ни через месяц. Из дома Гильберта музыка больше никогда не зазвучала, потому что Гильберт за пианино больше не сел.

...Со стороны соснового бора раздались голоса, и донеслись звуки музыки. Женщины обернулись и увидели вдаль процессию

из жителей города. Впереди несли гроб, за ним следовали мужчины и женщины, одетые в обычные одежды, но у каждого было по маленькому черному платку. Платки подносились к глазам то тут, то там, словно в воздух взлетали встревоженные черные птички.

— Хоронят Гильберта, — пояснила Филамена и сделала знак Хлое, что им следует поспешить и присоединиться к процессии.

Гроб нес Яков с тремя помощниками, один из них показался Хлое знакомым. Молчуны-братья шли следом, один нес в руках свое старое радио, которое на этот раз было настроено значительно лучше — на какую-то подходящую для такого печального случая волну, а потому музыка звучала вполне сносно. Торжественные звуки духового оркестра вылетали из приемника, превращались в вязкие смолянистые капли и переплетались с ажурными ветками бурых кустарников, скользили по мозаично-красным стволам пиний.

В конце процессии, подсказывая на ходу, толкались босоногие мальчишки, среди которых был и Александр с белогривым алабаем, величественно ступающим по мягкой хвое. Дети с интересом гляделись в лица старших, с нетерпением ожидая наступления того момента, когда откроют крышку гроба и можно будет посмотреть на мертвеца, а потом еще долго пугать им друг друга.

Вскоре вереница остановилась, люди столпились вокруг выкопанной ямы, мужчины опустили гроб на приготовленные скамейки — для прощания.

В то утро, когда в Арисхоре не зазвучала привычная фортепьянная музыка, и у жителей города возникли сомнения в том, правильно ли они живут, в жизни пианиста-самоучки ничего особенного не произошло. Так, во всяком случае, могло показаться человеку со стороны, но с Гильбертом все получилось иначе.

А все дело было в сущем пустяке и несурянице, как это часто бывает в жизни.

В то злосчастное утро Гильберт, как всегда, проснулся в своей старой кровати и, откинув плед, уже готов был сунуть ноги в сандалии, как в его дом влетела крупная птица. Птица, черная, с оранжевым клювом, влетела совершенно случайно, по какому-то своему птичьему недомыслию, и в панике начала метаться по комнате и биться крыльями в окна. Так, впрочем, поступила бы любая птица на ее месте.

Словно мокрая тряпка, птица судорожно замоталась по комнате в поисках спасительного выхода. Меря пространство остроугольными траекториями, черное тельце ударялось о мебель и сшибало фигурки с пианино.

Гильберт испугано следил за тем, как яркими брызгами разлетаются по полу фарфоровые собачки и пастушки его матери...

Как соскальзывает со стены музыкальный диплом и навсегда исчезает в пыльной щели за инструментом...

Как превращается в паучью сеть старая штора...

Как неожиданно громко опрокидывается хрупкий стул...

— Дрозд, — только и шептал Гильберт, ничего не предпринимая. — Черный дрозд.

Он наблюдал за птицей в ужасе, как если бы та была для него страшным предвестником.

Так и случилось. В какую-то минуту птица ударилась о старый приемник, и тот полетел вниз, благополучно приземлился у ног Гильберта и... заиграл!

Это было чудно и непонятно, но факт оставался фактом, очевидно, сместилась настройка. Приемник заиграл отчетливо и громко.

Гильберт вздрогнул.

Исполнялся хорошо знакомый фортепьянный концерт — тот самый, который он так любил и исполнял каждое утро для жителей Арисхора. Правда, концерт звучал, конечно, мощнее и значительнее, там даже была флейта, но это не имело значения. Гильберт тут же забыл про злосчастную птицу и полностью предался любимой музыке, замирая в предвкушении той или иной музыкальной фразы и по заслугам оценивая виртуозное мастерство пианиста-исполнителя. Так длилось какое-то время, но по мере звучания фортепьяно настроение Гильберта вовсе не улучшалось, а, наоборот, портилось. Черная тоска наполнила его сердце, а на место светлой радости, которую он всегда испытывал, слушая концерт, в его голову вползло нечто тяжелое и мучительное, наполнив ее мыслями-насекомыми.

А черный дрозд тем временем продолжал под виртуозное легато беспомощно метаться по разбитой комнате. И, глядя на него, Гильберт внезапно понял, что он и есть эта самая птица: по природе — совершенная и прекрасная, но беспомощная и бесполезная в своих попытках вылететь из музыкальной шкатулки. Он даже по-стариковски сгорбился, как под тяжелым бременем, и сжал кулаки, до крови вонзая ногти в ладони.

С восхитительными финальными аккордами сердце Гильберта не выдержало. Звуки замерли, и в возникшей тишине переполненный мучительной болью Гильберт неожиданно разразился отчаянными рыданиями — такими сильными, что черный дрозд застыл в воздухе, а застыв, тут же увидел открытое окно и... вылетел.

Гильберт сидел на старой продавленной кровати и плакал, по-детски скривив рот и широко открыв глаза, из которых лились потоки горько-соленых слез. Нет, конечно, он и раньше слышал разные исполнения по радио, но, очевидно, никогда не задумывался так, как это случилось в то утро. А все — из-за дурацкой птицы!

Он плакал о том, что ему никогда не удастся сыграть свой любимый фортепьянный концерт Пуленка так, как сыграл его известный пианист.

И никогда не будут ему рукоплескать в просторном зале с высоким потолком восторженные слушатели после взятого им последнего сокрушительного аккорда.

И никогда не скажут жители Арисхора: «Гильберт, сегодня ты исполнял концерт замечательно, особенно во второй части, когда должен вступать вокал!». Нет, они никогда не скажут ему так, потому что им, по сути, все равно, что он играет, а тем более, как он играет первую или вторую часть. Им было важно, чтобы он просто играл, чтобы город наполнялся не-важно-какой музыкой, и жизнь продолжалась бы под звуки его никуда не годной игры на расстроенном пианино.

Он плакал о том, что все для него вдруг стало тщетным и бессмысленным, как и все его прошлое, в котором никогда не было отца, который бы мог потрепать его по голове и сказать: «Ты сегодня, сынок, молодец!».

Он оплакивал свою жизнь, которая в одно мгновение стала бесцветной, как и жизнь его одинокой матери, умершей тихо и безвестно с зажатым в кулаке непонятным металлическим брелоком в форме половинки алого сердца. Гильберт плакал, и с каж-

Ольга Грушевская

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский государственный педагогический университет (МГПУ) им. В. И. Ленина, ф-т английского языка; Московский гуманитарный университет (МосГУ), ф-т психологии и социологии. Печатаюсь в российских периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках московской прозы. Ряд произведений опубликован за рубежом (Израиль, США, Армения, Украина). В 2008-2011 гг. возглавляла редакционную и судейскую коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Московский Салон Литераторов» (Моссалит). Основные жанры — психологическая проза, прозаическая миниатюра.

дой слезой утекали из него радость жизни и легкий нрав, на их место вставало угрюмое недовольство, полное обид и разочарований.

Наконец слезы закончились, и он встал. Прошел в чулан, взял молоток и первые попавшиеся гвозди, затем вернулся в комнату, приставил гвоздь и размахнулся.

Он безжалостно заколачивал крышку старенького пианино, чтобы навсегда похоронить под ней старый бесполезный мир, полный иллюзий и тщетных мечтаний. С каждым ударом длинные гвозди все глубже погружались в тело его верного друга, и тот, прощаясь, исторгал из своих глубин мучительно-жалобный стон.

С того утра все изменилось в Гильберте. Он перестал улыбаться, шутить и больше не приглашал гостей. Его стало все раздражать, а во всех словах он увидел двойкий смысл. Привычный кофе ему казался жидким, а сигарета — горькой. Солнце для него светило мутным светом, дождевая вода в уличной бочке была ржавой, а многоголосое пение птиц и привычный шум океана превратились в беспорядочную какофонию отвратительных звуков.

Гильберт смотрел на мир вокруг и хмуро качал головой, плотно задергивая на окнах заштопанные шторы: «И как я раньше этого не видел!»

Так Гильберт стал Угрюмым, а кровь его стала пениться и постепенно менять состав, наполняясь ядом.

В толпе Хлоя видела знакомые лица и с интересом наблюдала за людьми. Все вели себя по-разному: некоторые просто переговаривались, как если бы давно не виделись и кладбище было единственным местом для обмена новостями — так часто бывает.

Среди присутствующих Хлоя вновь увидела мужчину, который казался ей знакомым. На этот раз она его вспомнила.

«Да это ж бармен из ночного бара, который угощал меня Пина колада», — пронеслось у нее в голове, но она почему-то не удивилась. «Бармен» стоял среди грустных жителей города и, как и все, смотрел на бесцветное лицо уснувшего.

Кто-то печально вздыхал, вспоминая те дни, когда он был молод и весел, и тосковал по ушедшей юности. Кто-то тихо ронял слезу о своих несбывшихся надеждах.

«Ах, Гильберт, — думала Одинокая Фрида. — Зря ты меня в то утро послушался и покорно ушел. Если бы ты только мне возразил, настоял и остался...»

«Ах, Гильберт, — думала Старая Марта, сердце которой было разбито так давно, что она уже и не помнила боли, а израненная душа стала источником силы и сострадания. — Зря ты меня прогнал, когда однажды я по-

Продолжение на стр. 12

* Имеется ввиду «Негритянская рапсодия для фортепиано, флейты, кларнета, струнного квартета и голоса» (1917), Франсиса Пуленка (1899–1963), французского композитора и пианиста.

Московский Салон Литераторов

стучала в твою дверь. Только слепой не заметил бы, как ты похож был на Зака. Я бы стала тебе вместо матери».

«Ах, Гильберт, — думала Филамена. — Жаль, что я не смогла помочь тебе. Но ты ничего не хотел менять».

«Эх, Гильберт, — думал Яков. — Зря ты отказался работать у меня в мастерской, ты бы мог стать неплохим мастером».

«Ах, Гильберт, — думала Малышка Ада в повязанном вокруг головы белом ажурном платке. — Зря я тебе строила глазки. Ты хоть и был стар для меня, но всегда мне нравился».

«Эх, Гильберт, — думал бармен из пляжного бара, с грустью поглядывая на сухой крекер в своей руке, — зря я в тот день отпустил своего доброго пса. По твоей вине мой верный друг теперь ждет меня на Мосту Радуги»**.

А вот что думали Молчуны-братья, не знал никто, даже они сами, но большую серебряную рыбу, вильнувшую хвостом и уплывающую в глубь океана, они все-таки в тот момент разглядели.

Гроб стали на веревках опускать в яму, потом засыпали землей, и образовался холм, который женщины украсили цветами.

Кто-то вздохнул.

Кто-то спел песню.

Старая Марта положила на могилу пирожное с грецкими орехами.

Одинокая Фрида поставила чашку крепкого кофе.

Летняя плясунья, уже совсем немолодая, сильно прихрамывая на одну ногу, станцевала свой старый танец.

Яков сказал: «Покойся с миром», и голос его прозвучал, как голос священника, говорящего по-латыни.

А маленький седой человек с бледными руками, сложенными на груди, и похожий на провинциального доктора, лишь покачал головой и пробормотал: «Травма, врожденная травма».

Хлоя же ни о чем не думала, а лишь наблюдала. Ей вообще не было жаль ушедшего, а потому она отошла и стала оглядываться по сторонам, с интересом осматривая старое кладбище.

Ничего особенного она не заметила: неброские надгробные камни, скупые имена и даты, сухо констатирующие целые человеческие жизни, скромные букетики цветов. Хлоя прошла мимо могилы Весенней певуны и могилы Зака, затем походила между других надгробий, удивляясь однотипности и сдержанности постаментов, без лишних украшательств.

Внезапно она замерла. На сером небольшом надгробном камне она отчетливо прочитала «ХЛОЯ».

«Как такое может быть? — усмехнулась она, но тут же, не веря своим глазам, пробормотала: — Это же могила моей бабушки... ведь в ее честь меня назвали, да и даты...» Она подошла ближе и провела рукой по холодной припыленной поверхности камня, словно хотела стереть надпись, которой не могло здесь быть. Так и получилось: пыль, причудливо покрывшая гранитное надгробие и создавшая иллюзию букв, осыпалась как прах, оставляя под пальцами Хлои лишь темно-серую блестящую дорожку, вдоль которой было выбито другое имя.

«ФИЛАМЕНА», — прочитала Хлоя, медленно повторяя пальцами орнамент выбитых на камне букв.

— Это моя бабка, — раздался рядом знакомый голос, и Хлоя обернулась. — Я ношу ее имя.

— Да? — задумалась на минуту Хлоя. — Надо же, какое совпадение! Но здесь нет даты смерти.

— Дата смерти — это условность, — улынулась Филамена. — Как и сама смерть.

— Сначала мне показалось, что я видела другое имя... — пробормотала Хлоя, глядя на могильный камень. — Скажи, Филамена, может быть, мне все это снится?

Филамена ничего не ответила.

Приподняла подол своей юбки и стала удаляться в сторону дома.

Ольга ГРУШЕВСКАЯ

** Радужный мост (Мост радуги) — мифическое место, соединяющее Небеса и Землю. Его называют Мостом Радуги из-за множества его цветов. Считается, что, когда домашние питомцы умирают, они проходят через Мост радуги, там же они ждут потом и своих умерших хозяев.

БЕЛАЯ БАШНЯ

В городе моей мечты есть главная диковина — Белая Башня. Она гораздо выше всех окрестных сооружений, а потому видна из всякой части его. Стоит она среди бетона, стали и камня, среди подвесных мостов, в струях машин и выхлопного газа, возвышаясь над грохотом и пылью и отражаясь в каждом оконном стекле. Она сложена из камня удивительной белизны, и оттого контуры ее видятся размытыми в сизом городском небе. Она, словно луна в полнолунье, постепенно растворяется в дневном воздухе, настает час — ее и вовсе не видно, но ближе к вечеру величественная белая тень вновь нависает над городом, и, уже когда разгорается россыпь первых огней, она снова стоит ослепительная, резко очерченная, страшная.

Кто ее воздвиг, в какие века и в чью честь, никто не помнит и не знает, потому что она гораздо древнее самого города. Одни утверждают — пророк, другие — мудрый правитель во времена, когда среди людей царило равенство. Но не это важно. Хотя она и видна из всякого окна и каждого дверного проема, но, на диво чужестранцам, дороги никто не знает к ней. Забыли к ней дорогу. Никто не скажет, на какой площади стоит она, на перекрестке каких проспектов и улиц. Никто не знает, какими проулками пройти к ней, и хоть порой и кажется, что до нее уже рукой подать, но никто ни разу так и не коснулся ее белого камня. И среди горожан ходит поверье, что якобы исполнится любое желание того, кто найдет ее.

Сколько бессонных ночей на пыльном чердаке провел я с биноклем в руке, рассматривая ее белый дрожащий силуэт. И в душе моей самая высокая поэзия мешалась с низменными страстями, когда я разглядывал ее. Ни в чем я не знал нужды, я был далеко не нищим, но какие-то смутные и темные желания искевали мне душу. Я даже не знал, чего просить у нее, но сама возможность исполнить любую прихоть распыленного воображения жгла и терзала. Прекрасная, стояла она в море ночного огня, ослепительная, словно освещенная невидимым и мощным светиллом, и вонзалась она в темное небо, будто острый клюв. Она была вызовом моему сознанию. Она была вызовом моему человеческому существу. Все было ничто рядом с ней. Ее стройные обводы, выбоины в кладке, резьба на карнизах будили воображение, но повторить это было невозможно. Осколок какого-то древнего мира чудом затесался в современную мне жизнь и таил в себе столько угрозы и соблазна, что равнодушным к ней мог остаться разве что поэт. Как я завидовал той черной птице, что свободно кружила вокруг нее, исчезала и снова появлялась на ее фоне, а порой вдруг опускалась на резьбу ее скатов. Утром же непостижимая, недоступная Башня снова таяла в обретающем ясность воздухе и, словно детская молочная греза человечества, растворялась в потоках солнечного света и городском шуме.

И однажды я не выдержал. В сытой послеобеденной истоме я завел мотор и устремился к ней. Вокруг меня мелькали неоновые вывески земных соблазнов, но какими они были пустыми и ничтожными в сравнении с Башней. Она оставалась то справа, то слева, то казалась в конце улицы, по которой ехал мой автомобиль с бегущими по его блестящей поверхности разноцветными бликами. Я по несколько раз проскакивал одни и те же места. За поворотом был поворот, а Башня бесстрастная, даже ко мне, была все так же далека и недоступна. Богатые роскошные районы уступали место трущобам, ухоженные и прямые улицы сменялись узкими неровными улочками. Моя дорогая машина здесь уже привлекала внимание, но и Башня отчего-то отсюда казалась куда ближе. Наконец я заехал в самую грязную и зловонную часть города. Машина моя с трудом протискивалась между низкими глинобитными домами, к стенам нехотя прижимались неясные человеческие тени, и, наконец, дорогу мне преградил самый обыкновенный

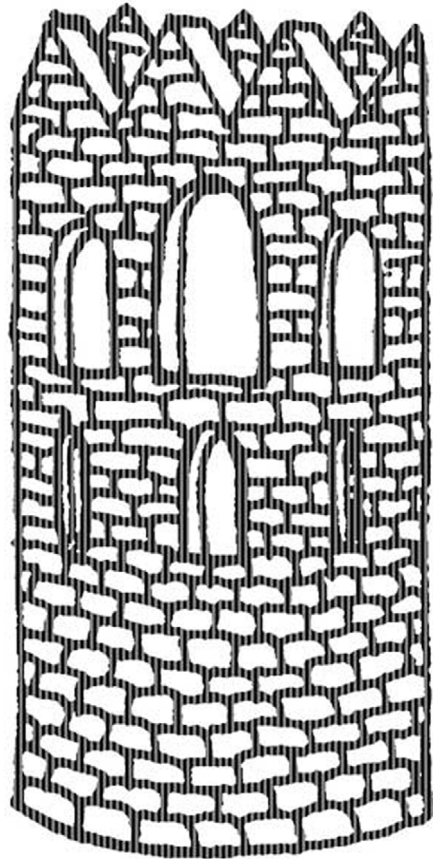
земной голод. К моему стыду, мне стало не до Башни. Мне просто захотелось есть. Возвращаться было далеко, да и Башня стояла где-то за домом напротив, а потому, думая наскоро перекусить, я собирался продолжить путь. Домишко, за которым, как мне казалось, стояла Башня, был, судя по вывеске, простой пивной. В окнах виделся задохшийся свет, от которого на дворе казалось еще темнее. Внутрь вела деревянная грязная дверь с захватанной бесчисленным множеством грязных рук стальной ручкой. И я постучал. Отворила мне сразу черная немывтая старуха с голодным блеском в глазах и большим кривым носом. Через мгновение старуха мне уже не казалась такой грязной и старой, как сначала, а то, что я принял за горб, было ничем иным, как сидящим у нее на спине большим вороном. Старуха показала мне в кривой понимающей ухмылке стальные зубы и поманила черным от сажи пальцем. Она подмигнула кому-то за своей спиной, кого я отсюда не мог видеть, и шагнула в сторону, пропуская меня. Она была хромая. Старуха, переваливаясь, исчезла в красноватом дыму, и ворон на ее спине от каждого шага взмахивал громадными крыльями. Пахло жареным мясом, на деревянном столе без скатерти был пролит томатный соус, а черный слуга, которого я сразу и не заметил, даже не удосужился убрать объедки. Я старался не удивляться, но вид слуги меня поразил. Это был наряженный в длинный балахон большой черный таракан. На голову его был натянут капюшон, а под ним виднелись шевелящиеся усы. Он старался двигаться медленно, но от каждого моего слова движения его становились все стремительнее. Правда, он ни разу не опрокинул ни скамьи, ни посуды.

Я не помню, что я заказывал, отвращение сжимало мне горло, но я все-таки медленно ел, чтобы насытиться. С самого начала я знал, что за все это мне не расплатиться. И когда пришла минута расплаты, я попробовал было рассчитаться деньгами. Старуха неожиданно рассмеялась злорадно и хрипло. Ворон за ее спиной широко взмахнул крылом. А таракан как угорелый забегал по комнате. Старуха-жизнь взяла меня за шиворот и поволокла куда-то, а я почувствовал, что рука у нее стальная и холодная.

И я забыл Белую Башню.

Забыл.

Очнулся я в грязной кухне с черными от сажи стенами и потолком. Поддерживал я огонь под большим черным казаном, колот дрова, мыл грязную посуду. Таракан своими черными усами проверял, насколько чисто

Микаел Абаджянц

Прозаик, переводчик. Издается в Армении, России, США, Ливане, Франции. Имеет два авторских сборника рассказов «Белая башня» (2002г.), «Портрет» (2010 г.), изданных по государственному заказу Министерства культуры РА. Участник проектов и автор переводов к текстам полнометражных исторических документальных фильмов по госзаказам. Имеет литературные награды. Король прозы-2009 Международного союза писателей «Новый Современник». Член Союза писателей Армении, Союза писателей Еревана, Международного ПЕН-клуба, Общества русскоязычных писателей Армении и Диаспоры. Автор-участник Московского Салона Литераторов.

она вымыта. Чугунная емкость от томатного соуса делалась красной и жирной, и в ней плавали тысячи мух. Временами на своей спине я чувствовал острые, словно удары бича, прикосновения тараканьих усов. Это он подгонял меня. Старуха-жизнь прохаживалась временами вокруг меня, никогда ничего не говорила, презрительно сморкалась в мою сторону, и смех ее мешался с вороньим карканьем, а блеск в вороньем глазу мне все еще напоминал что-то, но, сколько я ни силился, не мог вспомнить что. Проходили годы. Порой мою душу охватывала тоска, я запускал руку в бороду и с ужасом замечал, что она уже густа, длинна и грязна, что жизнь уходит. Жизнь проходила бесцельно и пусто, и только старухин смех поддерживал в моей душе злой огонек. А ночевали мы вместе. Старуха укладывалась на груды грязного тряпья в углу кухни. Тараканьи усы постепенно переставали шевелиться к полуночи, храп старухин достигал к этому времени своей наибольшей силы, и только ворон вылетал ночью в окно. Где он летал, не знаю...

И снова увидел я, как вышел из дома. Шел я пешком в солнечный и ясный полдень. Белая вдоль дороги тянулась стена. И на душе у меня было легко и ясно. Легкая ажурная дверь была в этой стене. Серебряный колокольчик висел на ее резном косяке. Но дверь была не заперта. Одурающий аромат тысяч цветов встретил меня в саду и девушка с воркующим белым голубем на плече. Лицо ее было нежно, тяжелые иссиня-черные ресницы скрывали смешинку в ее глазах. А позади стоял большой зеленоглазый сверчок в белой как снег ливрее. Девушка наконец рассмеялась и потянула меня за руку в дом. Мы смеялись все вместе, сверчок все что-то напевал и угощал меня чем-то удивительно вкусным, и я ел и не насыщался. Голубь же все ворковал и радостно бил крыльями. И я был счастлив. А потом в окно я увидел, что Белая Башня стоит прямо в саду среди лилий и роз. Я медленно вышел, подошел к ней, коснулся белого камня и не знал чего у Башни просить. Не знал...

Меня разбудил старухин стон. Руки ее беспокойно подергивались, черные волосы разметались по тряпью, она бредила, и отчего-то мне подумалось, что тем же, чем только что бредил и я. Тараканьи усы мелко дрожали в горячечном ознобе. А в глазах его, никогда не смыкающихся, все еще блуждала зеленая искра. Ворон все где-то летал. Я оделся. Зачерпнул из бочки ладонью воды, ополоснул лицо, прислушиваясь к старухиному бреду. Тихо подошел к двери, ведущей во внутренний двор, открыл ее и среди покореженных ржавых автомобильных остовов и груды исклеванных белых костей увидел свою Башню. У меня захватило дух, будто в мороз. Ослепительная, словно белая молния, сверкала она, а вокруг нее все летал и летал громадный черный ворон, и я теперь точно знал, чего у них просить.